

Table of Contents

Теоретическая основа для семимерной модели чувств

Психологическая топология внутренней жизни человека

Теоретическая разработка Jacobus van Merksteijn, май 2026

Содержание

ЧАСТЬ I: ПЕРВОЧУВСТВО И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

- I.1 Первочувство — концептуальное разграничение
- I.2 Почему оно есть у детей и животных
- I.3 Как оно изгоняется
- I.4 Что теряет человек и общество
- I.5 Почему нужна новая теоретическая модель

ЧАСТЬ II: МОДЕЛЬ — СЕМИМЕРНАЯ ДИАГРАММА ЧУВСТВ

- II.1 Базовая форма: овал в трёхмерном пространстве
- II.2 G-ось: любовь, ненависть и вертикальный порядок
- II.3 W-ось: реальное и ирреальное
- II.4 N-ось: индивидуальное измерение
- II.5 Правая дуга — чувства на реальной стороне
- II.6 Левая дуга — чувства на ирреальной стороне
- II.7 Горизонтальные противоположные полюса
- II.8 Диагональные пустые функции через центр
- II.9 Разница между противоположными полюсами и пустыми функциями
- II.10 Наклоняемая G-ось: небесная и земная перспектива

ЧАСТЬ III: ТРИ СЛОЯ МОЗГА И ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ

- III.1 Тройной мозг
- III.2 Дневной и ночной потоки
- III.3 REM-сон как нейронная техника обучения
- III.4 Три вида пустых форм
- III.5 N-ось как биографический маршрут
- III.6 Параллель с тем, как обучается искусственный интеллект
- III.7 Следствия для образования

- III.8 Следствия для терапии и саморазвития
- III.9 Следствия для общества

ЧАСТЬ IV: КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ ПЕРВОЧУВСТВАМИ

- IV.1 Вопрос за пределами трёх слоёв мозга
- IV.2 Что последовательность засыпания говорит о чувствах
- IV.3 Гипотеза о гравитационном излучении
- IV.4 Почему наука этого не измерила
- IV.5 Направление луча
- IV.6 Толщина черепа, восприимчивость и «потолщание» лба
- IV.7 Четыре направления для исследований
- IV.8 Что это означает для семимерной модели чувств

ЧАСТЬ V: ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ И ПОЭТАПНОЕ ВВЕДЕНИЕ ИЗМЕРЕНИЙ

- V.1 Почему необходима теория развития
- V.2 Зрелость пространственных измерений
- V.3 Временное измерение и цена его раннего навязывания
- V.4 G-ось и цена слишком ранней морализации
- V.5 W-ось и право на ирреальное
- V.6 N-ось и право не определять себя
- V.7 Четыре стадии развития
- V.8 Симметрия с порядком засыпания
- V.9 Что это означает для педагогики
- V.10 Постоянное присутствие и горизонтальное поле
- V.11 Экономико-социальная проблема

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ЧАСТЬ I: ПЕРВОЧУВСТВО И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

I.1 Первочувство — концептуальное разграничение

Есть способность к прямому знанию, которой люди обладают, но которой почти не доверяют. Это не интуиция в обычном смысле слова — не смутная догадка, не «нутряное чувство», которое служит оправданием отказа от мышления. Речь идёт о чём-то более острым и более древнем: прямой связи между восприятием и пониманием — без посредничества языковой обработки. Четырёхлетний ребёнок, заглянувший в глаза незнакомца, за несколько секунд знает, всё ли в порядке. Он не может этого объяснить. У него нет для этого слов, и слова ему не нужны. Он просто знает — напрямую,

с такой же точностью и надёжностью, как при самом тщательном рассуждении, а порой точнее: ведь рассуждение всегда запаздывает и фильтрует, тогда как прямое восприятие мгновенно и необработанно.

Эту способность в рамках данной модели называют первочувством. Термин сознательно выбран нетехническим. Речь идёт не о конкретной эмоции, не о черте личности и не о романтически-иррациональной альтернативе мышлению. Первочувство — это функциональная способность человеческого сознания: инструмент, с помощью которого организм читает реальность напрямую, до того как на неё наслаивается категоризирующий пласт языка.

С нейробиологической точки зрения первочувство пребывает в древнейших структурах мозга: базальных ганглиях, миндалине, структурах, которые человек разделяет с рептилиями и ранними млекопитающими. Задолго до того, как в эволюционном масштабе времени сформировалась кора головного мозга — великая машина языковой обработки, — эти структуры уже обрабатывали информацию о внешнем мире. Делали они это не через пропозиции и силлогизмы, а через распознавание паттернов, через прямые функциональные реакции на ситуацию. В классической терминологии нейробиолога Paul MacLean — первым систематически описавшего концепцию триединого мозга — речь идёт о палеомаммианном комплексе и ещё глубже о мозге рептилии: структурах, образующих фундамент всей высшей когнитивной и эмоциональной жизни, хотя сами они непосредственно недоступны для языковой рефлексии.

Таким образом, первочувство — не противоположность мышлению. Оно его предшественник и его фундамент. Чувственное восприятие, которое рождает первочувство, в принципе так же информативно, как языковое высказывание, — а во многих ситуациях информативнее, поскольку оно минует этап фильтрации и задержки языкового кодирования. То, что нам в нашем обществе трудно с этим смириться, напрямую связано с тем, как мы определяем знание и как мы учимся.

От обычных чувств первочувство отличает его доязыковой характер. Чувства, о которых мы обычно говорим, — ревность, гордость, страх, любовь — это уже чувства, названные корой. Им уже присвоен ярлык. Ярлык полезен, но он же есть редукция: он помещает чувство в категорию, которая всегда шире конкретного переживания. Первочувство — это переживание до того, как оно было сведено к категории. Это сырое восприятие реальности, необработанный поток информации, который впоследствии — если повезёт — кора поверхностно описывает, но никогда не схватывает целиком.

В модели, разрабатываемой здесь, первочувство образует третий и глубочайший слой психологической системы человека. Над первочувством находится лимбическая система, обрабатывающая чувства как цвет и интенсивность. Над лимбической системой находится кора, дающая

чувствам имена. Первочувство — источник, питающий все вышележащие слои. Когда первочувство цело и функционирует, вся надстроенная поверх него слоистая структура живёт и отзывается. Когда первочувство повреждено или подавлено, всему, что над ним, не хватает фундамента — как бы хорошо ни работала кора.

I.2 Почему оно есть у детей и животных

Есть причина, по которой у детей и животных первочувство относительно сохранно, тогда как у взрослых людей нашей культуры оно в значительной мере утрачено: дети и животные всё ещё живут в слое непосредственного переживания. Они ещё не подчинили своё место в мире в полной мере требованиям языкового, социального и институционального порядка.

Младенец, впервые видящий мать после разлуки, узнаёт её не по имени и не по когнитивной категории, а по запаху, по характеру её присутствия, по специфической динамике её движений. Это узнавание происходит в первобытном мозге — быстро, напрямую, без слов. Когда мать рядом, ребёнок это знает. Он это чувствует. Никакого рассуждения не нужно. Это не примитивно — это фундаментально. Это именно та способность, которая делает всё остальное знание переносимым и живым.

С эволюционной точки зрения первочувство выполняет функцию выживания. Социальные млекопитающие — а люди являются крайне социальными млекопитающими — выработали системы для быстрой и точной оценки других: свои или чужие? Ситуация безопасна или опасна? Не скрывается ли здесь что-то, способное причинить вред? Эта оценка осуществляется не через сознательный анализ, а через прямое распознавание паттернов. Миндалина обрабатывает эмоционально значимые стимулы быстрее, чем кора успевает их назвать, — у людей этот временной разрыв измеряется сотыми долями секунды. Эмоциональная реакция возникает прежде, чем начинается рациональная интерпретация.

У детей эта система ещё не скорректирована социальным давлением, требующим её игнорировать. Двухлетний ребёнок, вошедший в комнату и увидевший собаку, реагирует немедленно — с радостью, или со страхом, или с осторожным любопытством. Эта реакция информативна. В ней содержится оценка ситуации, которой ребёнок с его ограниченными когнитивными средствами иначе не достиг бы. Взрослый с сохраннным первочувством делает то же самое — но большинство взрослых научились эту первую реакцию игнорировать, перекрывать, объявлять иррациональной, а затем заменять социально приемлемым поведенческим откликом.

Животные сохраняют первочувство на протяжении всей жизни не потому, что они умнее, а потому, что не знают того же давления социальной коррекции. Собака оценивает человека — боится он или спокоен — за

первые две секунды контакта. Она не задаёт вопросов, не требует обоснований, не нуждается в контексте. Она читает ситуацию напрямую. Это чтение удивительно надёжно — во всяком случае, надёжнее многих человеческих когнитивных суждений о тех же ситуациях. Это не случайность. Это продукт эволюционного отбора.

Эволюционная логика такова: в мире прямых угроз — хищников, соперников, внезапных изменений среды — быстрая и точная система распознавания ситуаций критически важна для выживания. Система слишком медленная, требующая слишком много промежуточных шагов, смертельно опасна. Кора прекрасна для планирования, для отсроченного вознаграждения, для сложного социального сотрудничества — но для прямого распознавания ситуации она слишком медленна и слишком зависима от собственных категорий. Первочувство заполняет именно этот пробел.

Дети в каком-то смысле являются экспертами в первочувстве — не вопреки ограниченному когнитивному развитию, а отчасти благодаря ему. Кора ещё не полностью задействована ими как фильтр. То, что они чувствуют, они чувствуют в полной мере. Они ещё не узнали, что чувства опасны, или ненаучны, или незрелы. Эти уроки приходят позже, и приходят систематически.

1.3 Как оно изгоняется

Изгнание первочувства — не сознательный заговор. Это побочный продукт цивилизационного процесса, преследовавшего иные цели и готового платить за них эту цену — настолько готового, что он не признавал эту цену ценой.

Всё начинается рано. Воспитание в нашей культуре в своей основе направлено на адаптацию: ребёнок усваивает правила социального порядка, нормы приемлемого поведения, границы дозволенного в словах и мыслях. Само по себе это не патология — социальным животным нужна координация, а координация требует общих норм. Но сам процесс этого научения имеет структурный побочный эффект: ребёнок учится не доверять своим непосредственным ощущениям, когда они расходятся с ожиданиями окружения.

«Не будь таким чувствительным». «Сначала подумай». «Это тебе кажется». «Ты его ещё не знаешь, нельзя уже сейчас ему не доверять». Каждая из этих фраз, как бы хорошо ни была она намерена, является инструкцией игнорировать первочувство и заменить его чем-то другим: социальной вежливостью, когнитивным анализом, нормой, согласно которой знание всегда должно быть обоснуемо в языковых терминах. Кто достаточно долго получает этот паттерн — а в нашей школьной системе это длится лет

пятнадцать — тот его интернализирует. Фразы больше не произносятся извне; они звучат изнутри.

Прусская модель школы, разработанная в XIX веке для производства промышленных рабочих и солдат, является систематическим институтом этого изгнания. Сидеть смиренно по сигналу. Отвечать, когда задают вопрос. Давать правильный ответ — то есть ответ, определённый кем-то другим. Не тянуть руку без разрешения. Не следовать своему вниманию, если оно тянется не туда, куда указывает учитель. В этой системе первочувство по определению является помехой: это способность следовать собственному внутреннему направлению, а именно это система использовать не может.

Страсть к измеримости современной науки и политики усиливает этот эффект на другом уровне. Знание, которое считается знанием, — это знание, выразимое в числах, проверяемое в экспериментах, воспроизводимое в других условиях. Всё, что не вписывается в этот формат, не считается знанием, а считается мнением, чувством, субъективностью. В академических и профессиональных контекстах это привело к иерархии, в которой кора — языковой, измеримый, рассуждающий слой — обладает наивысшим эпистемическим авторитетом, а первочувство — наименьшим или никаким. «Можешь ли ты это обосновать?» — культурная квинтэссенция этой иерархии. Этот вопрос сам по себе вполне уместен в определённых контекстах — но когда он становится единственным вопросом, когда он исключает все другие формы знания, он разрушителен.

В итоге мы получаем цивилизацию, виртуозно производящую аргументы и катастрофически плохо умеющую читать ситуации. Это системная уязвимость. Люди, утратившие первочувство, манипулируемы хорошими аргументами, ведущими в неверном направлении. Они восприимчивы к рекламе, умело использующей эмоциональные триггеры, при том что кора не успевает отследить, что реально предлагается. Они уязвимы перед политическими упрощениями, звучащими ясно и логично, но упускающими сложную ткань реальности.

Есть ещё один механизм, заслуживающий отдельного внимания: социальный страх перед прямым восприятием. Когда ребёнок говорит «Я не доверяю этому человеку» без возможности привести причину, в большинстве воспитательных ситуаций его поправляют. Он должен назвать причину или отказаться от своего прямого ощущения. Послание, которое он при этом получает, таково: прямое восприятие без аргументации нелегитимно — что само чувство не является допустимым источником знания. Это наиболее фундаментальное изгнание: не просто игнорирование первочувства в конкретных ситуациях, но отрицание его эпистемического статуса вообще.

I.4 Что теряет человек и общество

Последствия систематического изгнания первочувства не абстрактны. Они конкретно прослеживаются в крупных кризисах нашего времени — и это прослеживание уходит глубже, чем обычный анализ, потому что оно рассматривает кризисы не как отдельные проблемы, а как симптомы одного лежащего в основе недуга.

Климатический кризис на самом глубоком уровне — это кризис утраты ощущения того, что Земля является живой системой. Факты доступны. Графики есть. Научный консенсус однозначен. И тем не менее знанию не удаётся проникнуть на тот уровень, где поведение реально меняется. Это не проблема информации, а проблема ощущения. Общество людей с сохранённым первочувством не могло бы десятилетиями допускать то, что оно допускает, — просто потому, что оно напрямую чувствовало бы ущерб, причиняемый живой системе вокруг, — не как абстрактную угрозу будущим поколениям, а как прямое, ощутимое телом повреждение чего-то существенного.

Поляризация — это кризис утраты ощущения того, что движет другим. В поляризованном обществе группы противостоят друг другу, располагая одними и теми же фактами, но живя в совершенно разных реальностях. Кора производит аргументы, подтверждающие правоту собственной группы и документирующие неправоту чужой. Но первочувство — способность непосредственно чувствовать, что присутствует в другом, каковы его страхи, что он на самом деле имеет в виду под произносимыми словами, — этого больше нет, или ему больше не доверяют. Поляризация в этом смысле является прямым следствием деактивации способности к прямому восприятию другого.

Выгорание — это кризис утраты слуха к тому, что говорит тело. Выгорание поражает людей, достаточно долго игнорировавших сигналы своего тела — усталость, нежелание, ощущение бессмысленности — и продолжавших, потому что у коры были веские основания продолжать: ипотека, ожидания окружения, страх осуждения, привычка. Сигналы всегда были. Их не слышали, или слышали и затем успешно переубеждали себя. Выгорание — это момент, когда система отказывается от управления корой и тело берёт верх. В этом смысле это не болезнь, а попытка восстановления со стороны более глубокого слоя.

Одиночество — одна из наиболее масштабных эпидемий позднего модерна — это кризис утраты смелости показывать истинное «я». Люди окружены другими, но не чувствуют, что их действительно видят или с ними связаны. Не потому что другие не хотят их видеть, — а потому что они сами больше не позволяют себя видеть и потому что утратили прямое ощущение другого, через которое возникает подлинная связь. Подлинная связь требует первочувства с обеих сторон: готовности допустить прямое восприятие другого и готовности показать своё собственное прямое ощущение. Если обе

стороны утратили эту готовность — а они её вытравливают на протяжении всего воспитания, — изоляция неизбежна даже в самой многолюдной обстановке.

Это не четыре отдельных кризиса. Это один кризис, проявляющийся в четырёх сферах: природа, политика, труд и отношения. Общий знаменатель — утрата прямого ощущения — первочувства — как функциональной способности в личной и коллективной жизни.

1.5 Почему необходима новая теоретическая модель

Если диагноз верен — если утрата первочувства действительно является общим основанием описанных кризисов, — возникает практическая проблема: как сделать обсуждаемым то, что по определению выходит за рамки языка? Первочувство доязыково. Это ощущение до прихода слов. Как сделать его предметом теоретической разработки, не предавая его тем самым, что закрепляешь его в категориях, которые оно как раз предшествует?

Это не новая проблема. Все традиции, работающие с прямым опытом, — созерцатели, художники, мистики, а также некоторые учёные — сталкивались с ней. Обычное решение — указывание: описание контуров феномена без претензии на охват самого феномена. Описывают очертания силуэта, отбрасываемую им тень, следы, которые он оставляет в структуре психологической жизни, — но знают при этом, что описанное никогда не является описываемым.

Именно это и пытается делать данная модель. Семимерная диаграмма чувств — не карта самого первочувства, а карта топологии чувственной жизни, порождаемой первочувством. Она описывает положение чувств относительно друг друга: их пространственные отношения, их противоположные полюса, их диагональные связи, их отношение к индивидуальной биографии. Тем самым она делает обсуждаемым то, что обычно можно только чувствовать. Она даёт язык структуре чувства — не самому чувству, потому что это было бы противоречием, — а тому, как чувства соотносятся друг с другом в пространстве внутренней жизни человека.

Существующие модели картирования эмоций есть. Наиболее известна, пожалуй, «колесо эмоций» Robert Plutchik, различающее восемь базовых эмоций и упорядочивающее их по интенсивности и семейному сходству. Есть размерные модели, описывающие эмоции по двум осям: валентность (позитивная/негативная) и возбуждение (высокая/низкая активация). Есть категориальный подход психологии, пытающийся выявить ограниченный набор универсальных базовых эмоций — шесть у Ekman или более широкие наборы у Cowen и Keltner.

Все эти модели полезны, но чего-то им недостаёт. Им недостаёт индивидуального измерения. Они описывают эмоции как универсальные категории, систематически не учитывая того факта, что одно и то же название эмоции у двух разных людей обозначает совершенно разные феномены — не в силу путаницы в значениях, а в силу биографического различия. Им недостаёт и топологических связей, разрабатываемых здесь: диагональных отношений, пустых функций, наклоняемой ориентации. И им недостаёт связи с процессом обучения — вопроса о том, как чувства приобретаются, углубляются, теряются и обретаются вновь в ходе опыта целой жизни.

Модель, разрабатываемая здесь, — попытка заполнить эти пробелы. Не как замена существующих моделей, а как дополнение, описывающее иной пласт психологической жизни — топологический пласт, пласт структурных отношений. Это теоретическая основа: фундамент, на котором можно строить дальше, к которому можно относить существующие теории, который приглашает к эмпирическим исследованиям, к педагогическим экспериментам, к терапевтическому применению.

ЧАСТЬ II: МОДЕЛЬ — СЕМИМЕРНАЯ ДИАГРАММА ЧУВСТВ

II.1 Базовая форма: овал в трёхмерном пространстве

Пространственная базовая форма модели — вертикально стоящий овал в трёхмерном пространстве. Это не произвольно. Пространственность модели отражает фундаментальный тезис: чувства — не плоские категории, расположенные рядом, а пространственные сущности, пребывающие в непрерывной топологической структуре. Топология — вот главное. Дело не в том, какие чувства существуют, а в том, как они соотносятся друг с другом в пространстве внутренней жизни.

Овал состоит из двух полуокружностей, касающихся в двух точках: верхней и нижней. Правая дуга идёт от верхней точки через крайнюю правую точку к нижней. Левая дуга идёт от верхней точки через крайнюю левую точку к нижней. Вместе они образуют замкнутую кривую — овал, одновременно очерчивающий объём и описывающий поверхность.

Две точки соединения — любовь (сверху) и ненависть (снизу). Это важнейшее структурное свойство модели: любовь и ненависть не противоположны друг другу в том смысле, что стоят по разные стороны линии. Они — два крайних полюса одного континуума, и этот континуум изогнут. Есть два пути от любви к ненависти: по правой дуге или по левой. Путь по правой дуге пролегает через мир реального — через власть, ревность, зависть. Путь по левой дуге пролегает через мир ирреального —

через страх, безревность, беззависть. Оба пути ведут к ненависти. Но природа этой ненависти фундаментально различна в зависимости от пути, которым пришли к ней.

Есть анатомическая аналогия, которую автор этой модели называет явно: форма овала напоминает классическое изображение женских гениталий. Эта ассоциация — не сексуальный символизм, а наблюдение о форме и функции. Порождающая сила, вмещающая структура, принцип входа и выхода — все эти свойства анатомической формы являются также свойствами модели чувств. Глубочайшие формы человеческого опыта отражают глубочайшие формы человеческого тела. Для публикации это функциональная аналогия, поддерживающая запоминание базовой формы.

Модель имеет три оси. Они определяют трёхмерное пространство, в котором парит овал, и каждая из них содержательно нагружена — не произвольно геометрически, а психологически значимо. Они разрабатываются отдельно в следующих разделах. Здесь — общая ориентация: G-ось идёт вертикально (любовь сверху, ненависть снизу в стандартной ориентации), W-ось идёт горизонтально (реальное справа, ирреальное слева), а N-ось идёт в глубину — перпендикулярно плоскости овала, в направлении «в» и «из» изображения. У каждого человека полная овальная структура располагается в другом месте вдоль N-оси. Это измерение индивида.

Название «семимерная» указывает на то, что модель описывает семь качественно различных позиций чувств: семь точек, поддающихся именованию на двух дугах овала, плюс три оси, определяющие систему. Вместе они описывают структурное пространство семи качественно различных типов внутреннего переживания — гептагональную топологию чувственной жизни.

II.2 G-ось: любовь, ненависть и вертикальный порядок

G-ось — вертикальная ось модели. Она идёт от верхней точки к нижней точке овала — от любви к ненависти в стандартной ориентации. G обозначает величину или ускорение в величине: чем выше на G-оси, тем больше чувство движется в сторону любви; чем ниже, тем ближе оно к ненависти.

Расположение любви сверху и ненависти снизу — не логическая необходимость. Это культурный выбор — конкретно: западный, информированный христианско-религиозной традицией выбор. В небесной перспективе, которую западная цивилизация получила от своей религиозной традиции, доброе находится вверху (Бог, небо, свет), а злое — внизу (дьявол, ад, тьма). Любовь — высшее благо, ненависть — наихудшее зло. Этот порядок так глубоко укоренён, что кажется само собой

разумеющимся — как будто любовь и верх принадлежат друг другу нечем-то, что не подлежит сомнению.

Но это можно поставить под сомнение, и данная модель это делает. G-ось наклоняема — это разрабатывается в разделе II.10. Здесь достаточно сказать: вертикальная ориентация — это выбор, и этот выбор является частью индивидуальной психологической конфигурации человека. То, воспринимается ли любовь сверху или снизу — как небо, нисходящее вниз, или как земля, несущая нас, — само по себе является психологическим фактом о данном человеке, а не объективным свойством модели.

G-ось описывает измерение интенсивности чувственной жизни в вертикальном направлении. Точки чувств на двух дугах овала упорядочены по G-оси согласно их общей интенсивности и направлению: любовь и её ближайшие соседи (уважение, гордость на реальной стороне; неуважение, негордость на ирреальной стороне) располагаются выше середины; ненависть и её ближайшие соседи (зависть, ревность на реальной стороне; беззависть, безревность на ирреальной стороне) располагаются ниже середины. Власть и бессилие располагаются на одной высоте — в середине, в точке пересечения G-оси и W-оси.

G-ось является также осью шарнира: любовь и ненависть — точки, где правая и левая дуги овала сходятся. Они общие для реальной и ирреальной сторон. Это имеет психологически-семантическое значение: наиболее интенсивные чувства — любовь и ненависть — не являются исключительно реальными или исключительно ирреальными. Они превосходят это различие. Любовь к конкретному человеку и любовь как внутреннее состояние — обе суть любовь; ненависть к конкретному другому и ненависть как общее состояние сознания — обе суть ненависть. На крайней точке интенсивности различие между реальным и ирреальным исчезает.

II.3 W-ось: реальное и ирреальное

W-ось — горизонтальная ось модели. W обозначает ценность (waarde) — ось описывает ценностное измерение чувственной жизни в горизонтальном направлении. Правая сторона W-оси — реальная сторона; левая сторона — ирреальная.

«Реальное» и «ирреальное» здесь являются специфическими техническими терминами, требующими пояснения. Реальное в контексте этой модели означает: укоренённое в действительном отношении с внешним миром. Чувство на реальной стороне берёт своё начало в реальной ситуации, реальных отношениях, реальном распределении власти. Власть на реальной стороне — это фактическая способность оказывать влияние на мир. Уважение на реальной стороне — это то, что человека фактически уважают другие.

Ирреальное не означает: ненастоящее, неосязаемое или менее значимое. Оно означает: укоренённое во внутреннем состоянии, которое может существовать независимо от фактического внешнего мира. Бессилие на ирреальной стороне — это внутреннее переживание беспомощности, которое может присутствовать вне зависимости от объективной ситуации: даже человек с реальной властью может испытывать глубокое внутреннее бессилие. Неуважение на ирреальной стороне — внутреннее ощущение того, что тебя не уважают, которое может присутствовать и тогда, когда другие на самом деле тебя уважают.

Это различие имеет огромное практическое значение — как диагностическое, так и терапевтическое. Когда кто-то говорит «я чувствую, что меня не уважают», это может описывать две фундаментально разные ситуации: либо его действительно не уважают (реальное, W-положительное), либо у него есть внутреннее чувство неуважения, не связанное с фактической ситуацией (ирреальное, W-отрицательное). Оба переживания одинаково реальны для данного человека. Но адекватная реакция фундаментально различна. В первом случае необходимо изменение ситуации; во втором — внутренняя работа, а изменение ситуации не поможет или поможет незначительно.

Власть стоит точно в середине G-оси на реальной стороне — это крайняя точка правой дуги на W-оси. Бессилие/страх стоят точно напротив на ирреальной стороне. Это явное структурное утверждение модели: власть и бессилие — горизонтальные противоположные полюса, на одной высоте на G-оси, но по противоположным сторонам W-оси. Они — зеркальные отображения друг друга в ценностном измерении, а не качественные противоположности. Это имеет неожиданное следствие: переживание власти и переживание бессилия структурно изоморфны. У них одна архитектура, только зеркально отражённая. Кто пережил власть, знает, что такое бессилие, — не через рассуждение, а через структурную близость. Кто глубоко пережил бессилие, понимает морфологию власти.

II.4 N-ось: индивидуальное измерение

N-ось — третья ось модели, и в каком-то смысле наиболее пренебрегаемая. Она идёт перпендикулярно плоскости, натянутой G-осью и W-осью, — как бы в направлении «в» и «из» изображения, как ось глубины в трёхмерном представлении. У каждого человека полная овальная структура располагается в другом месте вдоль N-оси.

Что это означает? Это означает, что два человека, использующие одно и то же слово — ревность, гордость, страх, любовь, — переживают соответствующее чувство из совершенно разной биографии, из другой N-позиции. Ревность ребёнка, растущего в бедности, и ревность ребёнка, растущего в достатке, занимают одно и то же геометрическое место в G-W-

плоскости овала, но совершенно разные позиции вдоль N-оси. Они структурно одинаковы, но биографически радикально различны.

N-ось кодирует не только темперамент или врождённые особенности личности. Она кодирует весь биографический маршрут: всё, что человек пережил, освоил, потерял, обрёл, выбрал и перенёс. Два человека с одинаковым врождённым темпераментом, но разной историей жизни всё равно занимают разные N-позиции. N-ось — это измерение истории.

Это имеет глубокие следствия для понимания коммуникации и взаимопонимания. Когда два человека говорят об одном чувстве, они, возможно, используют одни и те же слова, но говорят из совершенно разных точек в трёхмерном пространстве чувственной системы. Недоразумение, возникающее из этого, — не вопрос семантической неточности, а структурная данность системы. Никакие два человека не касаются друг друга в действительности в одном и том же месте, даже используя одни и те же слова.

Это могло бы вести к нигилизму: если каждый занимает другую N-позицию, возможна ли вообще коммуникация о чувствах? Но это неверный вывод. N-ось описывает различие — но G-W-структура овала одинакова для всех людей. Топологические отношения универсальны; позиция вдоль N-оси индивидуальна. Это означает, что в разговоре о внутренней жизни есть как подлинная общность, так и подлинная недостижимость. Общее: структура отношений между чувствами узнаваема для всех, потому что она универсальна. Недостижимое: специфический цвет, интенсивность и биография чувства у конкретного человека никогда не передаётся полностью.

N-ось делает модель также динамической: в течение жизни человек движется вдоль N-оси. Переживания, процессы обучения, травмы, восстановление — всё это сдвигает N-позицию. Структура овала остаётся прежней, но то, где человек стоит на N-оси, смещается. Это измерение роста, изменения, биографии как непрерывного движения через пространство чувственной системы.

II.5 Правая дуга — чувства на реальной стороне

Правая дуга описывает чувства на реальной стороне W-оси. Она идёт от любви (сверху) через власть (крайняя правая точка) к ненависти (снизу). На равных расстояниях друг от друга на этой дуге располагаются семь точек:

Любовь стоит сверху. Она — верхняя точка соединения двух дуг, общая с левой дугой. Любовь в этой модели — не единственное чувство, а высшая точка измерения интенсивности на реальной стороне: состояние максимальной позитивной связи с реальностью вне себя.

Уважение стоит чуть ниже любви, на реальной стороне. Это чувство признания другим своей ценности — не как универсальная любовь, а как конкретное признание того, кто ты есть и что ты делаешь. Уважение — реальное чувство: оно укоренено в фактическом отношении с другим человеком или группой.

Гордость стоит немного ниже и ближе к середине дуги. Это внутреннее признание собственного достижения или качества — но в соотношении с внешним миром. Гордость — реальная позитивная обратная связь от собственных действий. Она отличается от нарциссизма тем, что укоренена в том, что действительно достигнуто, а не в оторванном от реальности образе себя.

Власть стоит в крайней точке правой дуги, на W-оси. Это точка максимальной активной позиции в мире: способность быть эффективным, заставлять вещи происходить, оказывать влияние. Власть в этой модели нейтральна — она описывает позицию в структуре, а не моральное суждение. Власть может применяться в добрых или злых целях; структурная позиция одна и та же.

Ревность стоит чуть за серединой дуги, на стороне, нисходящей к ненависти. Ревность — это реальное восприятие того, что у другого есть нечто, чего ты сам желаешь, но не имеешь, — отношения, способность, положение. Она реальна, потому что укоренена в фактически воспринятом различии. В ней есть активный компонент: ревность хочет не того, чтобы этого не было у другого, а чтобы это было у себя самого.

Зависть стоит близко к ненависти, в нижней части правой дуги. От ревности она отличается следующим: зависть хочет не того, чтобы это было у себя, а того, чтобы у другого этого тоже не было. Это активное желание падения другого, независимо от собственной выгоды. Зависть — мрачная сторона реальной дуги; в ней таится ненависть как потенция.

Ненависть стоит снизу. Она — нижняя точка соединения двух дуг, общая с левой дугой. Ненависть в этой модели — состояние максимальной негативной связи с реальностью вне себя: активное отвержение, деструктивная ориентация на другого или мир.

II.6 Левая дуга — чувства на ирреальной стороне

Левая дуга описывает чувства на ирреальной стороне W-оси. Она идёт параллельно правой дуге, но слева — от любви (сверху) через бессилие/страх (крайняя левая точка) к ненависти (снизу). Точки чувств на левой дуге — ирреальные противоположные полюса реальных чувств: они занимают одно и то же структурное место на G-оси, но их источник — во внутреннем состоянии, а не в фактическом внешнем отношении.

Любовь разделяет левую дугу с правой в верхней точке.

Неуважение стоит чуть ниже любви, на ирреальной стороне. Это слово требует особого внимания, потому что оно непривычно. Неуважение не то же самое, что недостаток уважения извне, — это было бы реальным чувством. Неуважение как ирреальное чувство — внутреннее ощущение того, что ты не достоин уважения: глубокое переживание себя как не заслуживающего уважения. Это чувство может присутствовать вне зависимости от того, что другие в действительности думают о данном человеке. Это внутреннее состояние, создающее собственную реальность.

Негордость стоит немного ниже. Это ирреальный эквивалент гордости: внутреннее ощущение недостаточности, переживание неудовлетворительности, которое может не иметь отношения к тому, что человек фактически достиг. В крайнем проявлении негордость — это глубокий стыд — не как моральная эмоция, а как прямое внутреннее знание о том, что ты фундаментально недостаточен.

Бессилие и страх стоят в крайней точке левой дуги, на W-оси. Здесь они объединены, потому что в этой модели рассматриваются как два аспекта одного феномена: бессилие — структурная позиция (ощущение невозможности), страх — его временной компонент (переживание угрожающего, которое из-за бессилия не удаётся отвести). Кто структурно переживает бессилие, воспринимает мир как угрожающий — это и есть страх. Страх и бессилие — два лица одного ирреального максимума.

Безревность стоит чуть за серединой левой дуги, на стороне, нисходящей к ненависти. Безревность — ирреальный эквивалент ревности: не желание того, что есть у другого, а ощущение, что само желание недоступно тебе, — внутреннее состояние неспособности желать, онемелость перед собственным недостатком. Это тонкое и трудно называемое чувство, но оно психологически реально: человек, не способный чувствовать свою ревность, где-то утратил связь с тем, чего он на самом деле хочет.

Беззависть стоит близко к ненависти, в нижней части левой дуги. Она — ирреальный эквивалент зависти: не активное желание падения другого, а онемелость к этому падению — внутреннее состояние нечувствования к несправедливости, состояние, когда больше не ощущаешь того, о чём зависть в принципе сигнализирует.

Ненависть разделяет левую дугу с правой в нижней точке.

II.7 Горизонтальные противоположные полюса

Горизонтальные линии противопоставления в модели соединяют точки чувств на правой дуге с их симметричными противоположными полюсами

на левой дуге. Они идут горизонтально — параллельно W-оси — и соединяют точки на одинаковой высоте на G-оси.

Пары: - Любовь (реальная) — Любовь (ирреальная): общая верхняя точка - Уважение — Неуважение - Гордость — Негордость - Власть — Бессилие/страх - Ревность — Безревность - Зависть — Беззависть - Ненависть (реальная) — Ненависть (ирреальная): общая нижняя точка

Каждая горизонтальная пара описывает два чувства с одной и той же высотой интенсивности на G-оси, но по противоположным сторонам W-оси. Они — горизонтальные противоположности друг друга: один и тот же уровень чувственной жизни, но одно — из реального отношения с миром, другое — из внутреннего состояния, независимого от реального отношения.

В визуализации модели горизонтальные линии связи рисуются пунктиром — лёгким, указующим, не доминирующим. Они нужны, чтобы показать структурное отношение, а не слить чувства воедино. Это мосты в топологии, а не тождества.

Практическое значение этого различия велико. В диагностических или терапевтических контекстах первый вопрос о каждом чувстве: оно реальное или ирреальное? Бессилие, которое чувствует человек, укоренено в реальной ситуации — тогда нужно изменение ситуации. Или бессилие — внутреннее состояние, присутствующее независимо от фактических обстоятельств — тогда нужна внутренняя работа, и изменение ситуации его не решит. Горизонтальные противоположные полюса — карта, систематически проводящая это различие.

II.8 Диагональные пустые функции через центр

Диагональные связи — наиболее неожиданный и концептуально богатый элемент модели. Они идут не горизонтально справа налево, а диагонально: от точки на правой дуге через центр овала (нулевую точку, где сходятся все оси) к точке на левой дуге, которая находится не на той же высоте, а диагонально отражена.

Центр овала — точка максимальной пустоты: нулевая точка системы, точка, в которой нет никакого чувства. Это не точка покоя или мира — это точка структурной пустоты, внутренней тишины в её крайнем виде: не тишины, которая несёт, а тишины, которая указывает на отсутствие контакта с чувственной жизнью.

Диагональные связи: - Уважение (правый верх) через центр к Беззависти (левый низ) - Гордость (правый верх) через центр к Безревности (левый низ) - Ревность (правый низ) через центр к Негордости (левый верх) - Зависть (правый низ) через центр к Неуважению (левый верх)

Что означает, что чувство проходит через центр к своему диагональному двойнику?

«Пустая» функция описывает состояние, возникающее, когда чувство разряжается через нулевую точку. Без-любовь сидит в ненависти — это не отсутствие любви, а её активное отрицание, ненависть, прошедшая через нулевую точку. Без-властие сидит в страхе — не отсутствие власти, а её прохождение через нулевую точку к диагональному двойнику. Без-уважение в топологическом смысле сидит в беззависти — состояние уважения, прошедшее через нулевую точку и выходящее с другой стороны как своего рода онемелость в отношении другого.

Термин «пустой/пустая форма» в этой модели означает не отсутствие чего-либо (хотя слово «пустой» в обиходе именно это значит), а конкретное качество чувства, потерявшего свою энергию через нулевую точку. Это качественное описание внутреннего состояния: не противоположность чувству, не его отсутствие, а состояние, возникающее, когда чувство утратило свою укоренённость в структуре.

В визуализации диагональные линии рисуются тонкими, полупрозрачными — они присутствуют, но не доминируют. Это тихая архитектура системы, менее заметные, но структурно решающие связи.

II.9 Разница между противоположными полюсами и пустыми функциями

Существует теоретическое различие первого порядка, полностью утраченное в обыденном языке и восстанавливаемое здесь моделью: различие между горизонтальными противоположными полюсами и диагональными пустыми функциями.

Неуважение (горизонтальный противоположный полюс уважения) — активное чувство: прямое внутреннее ощущение того, что ты не достоин уважения, живое переживание неуважения. Это чувство, которое присутствует, имеет собственный цвет и интенсивность, побуждает к действию — пусть и к действию с ирреальной стороны.

Без-уважение (диагональная пустая функция уважения) — нечто принципиально иное: состояние, возникающее, когда уважение потеряло свою энергию через нулевую точку и с другой стороны появляется как беззависть — своего рода онемелость, притупление чувственной жизни в этой точке. Кто «без-уважителен» в топологическом смысле, тот не в состоянии чувствовать, что такое уважение, — ни получать, ни давать его. Это эрозия, а не зеркало.

Практическое следствие велико. Кто-то, совершающий неуважительные поступки, может делать это из двух совершенно разных внутренних позиций. В первом случае он стоит на позиции неуважения — активного

чувства того, что его не уважают, задетой чести, бунтарской реакции на воспринимаемое пренебрежение других. Это болезненное чувство, которое требует признания. Во втором случае он стоит на диагональной линии — он без-уважителен в смысле отсутствия контакта с чувством уважения вообще, внутреннего состояния, в котором просто не задумываешься об этом. Это другая ситуация, требующая другого подхода.

То же различие применимо ко всем пустым функциям: без-любовь — это не то же самое, что «нелюбящий». Без-властие — не то же самое, что «бессильный». Без-гордость — не то же самое, что «негордый». Первая форма каждой комбинации описывает диагональное пустое состояние через нулевую точку; вторая описывает горизонтальный противоположный полюс, который ещё является активным чувством. Модель впервые даёт структурный язык для этого различия.

II.10 Наклоняемая G-ось: небесная и земная перспектива

Одно из наиболее неожиданных и теоретически далеко идущих свойств модели — наклоняемая G-ось. Тезис прост, но имеет глубокие следствия: ориентация любви-сверху и ненависти-снизу на G-оси не является универсальной, логически необходимой или нейтральной — это культурно обусловленный выбор, конкретно — выбор западной христианской традиции.

В небесной перспективе любовь находится вверху, ненависть — внизу. Бог вверху, дьявол внизу. Свет устремлён вверх, тьма — вниз. Доброе — высшее, злое — низшее. Это образ, переданный западной системой верований, и он настолько глубоко укоренён, что для большинства жителей Запада кажется само собой разумеющимся — как будто любовь и верх принадлежат друг другу нечем-то неслучайным.

Но существует и земная перспектива. В этой перспективе любовь находится внизу — как мать-земля, которая нас несёт и питает, почва, на которой мы стоим, источник всякой жизни. А ненависть находится вверху — как ад наверху, как солнце, вечно пылающее и сжигающее всё, чему оно слишком долго дарит свой жар. Это тоже последовательная и обоснованная космологическая ориентация. Это не доминирующий западный образ, но он не менее верен. Земля питает. Солнце жжёт.

G-ось наклоняема: её можно перевернуть так, чтобы небесная перспектива менялась на земную, и наоборот. Результат — две версии одной и той же структурной системы: одна топология, одни отношения между точками чувств, одни оси — но с полностью зеркальной моральной и эмоциональной нагрузкой в зависимости от принятой ориентации.

Это не релятивизм. Это топология. Одна и та же структура может существовать в нескольких ориентациях, не изменяясь при этом сама.

Меняется значение, которое культура и индивид приписывают позициям. И это значение само по себе является психологическим фактом о данном человеке — чем-то, что можно исследовать, понять и при необходимости скорректировать.

Наклоняемая G-ось имеет и индивидуальный компонент. Не только культуры, но и отдельные люди ориентируются на G-оси по-своему. Для того, кто вырос в традиции, в которой любовь воспринимается как земная, — крестьянки, знающей свой надел, рыбака, знающего своё море, горца, знающего свой кряж, — земная ориентация G-оси естественна и сразу узнаваема. Для того, кто вырос в городской религиозной традиции, небесная ориентация очевидна.

Таким образом, G-ось сама по себе, как и N-ось, является индивидуальной переменной. Варьируют не только точки чувств на овале, но и фундаментальная ориентация самой системы. Это придаёт модели радикально индивидуальный характер: не только то, где человек находится на овале, но и то, как он ориентирует весь овал, является частью его психологической сигнатуры.

ЧАСТЬ III: ТРИ СЛОЯ МОЗГА И ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ

III.1 Тройной мозг

Помимо пространственной топологии диаграммы чувств, модель включает второй описательный слой: послойную архитектуру самого мозга. Это описание — не нейробиологическая теория в академическом смысле, а функциональная модель, опирающаяся на существующие нейробиологические выводы и объединяющая их в психологически связанное целое.

Тройной мозг состоит из трёх слоёв:

Нижний слой — первочувство: глубочайший слой, источник, фундамент. Как было разработано в предыдущей части, первочувство — это доязыковое прямое восприятие реальности. В визуальной метафоре картины, изображающей три слоя, первочувство появляется как интенсивная светящаяся точка глубоко внизу, окружённая кольцами мягкого свечения, распространяющимися во все стороны. Первочувство присутствует у всех людей, но степень его активности и уровень доверия к нему чрезвычайно варьируют.

Средний слой — лимбическая система: мозг млекопитающего, слой, в котором чувства живут как цвет, движение и интенсивность, но ещё не как слова. Это слой, который мы разделяем со всеми млекопитающими,

ходившими по земле: миндалина, гиппокамп, гипоталамус и смежные структуры, регулирующие эмоциональную обработку, формирование памяти и мотивацию. На картине это большие, перетекающие друг в друга цветовые поля: терракотовое для власти, бирюзовое для уважения, тёмно-синее для бессилия, пурпурное для зависти. Никаких ярлыков — ведь в лимбическом слое чувства есть, у них есть цвет, вес и направление, но они ещё не захвачены в предложение.

Верхний слой — кора: языковой мозг, неокортекс, слой, производящий слова и категории. Это самый лёгкий слой, наиболее летучий — на картине изображён тонкой полосой вверху с пульсирующими в ней словами: «уважение», «ревность», «гордость», «власть», «страх», «бессилие». Кора называет. Она категоризирует. Она говорит. Но понимает ли она то, что называет, — не обязательно: она даёт этому слова и принимает, что тем самым понимает. Это допущение иногда верно, а иногда является сутью проблемы.

Между слоями постоянно текут два движения: дневной поток и ночной поток. Они разрабатываются в следующих разделах.

III.2 Дневной и ночной потоки

Дневной поток течёт вверх: от лимбической системы к коре. Это момент, когда чувство — интенсивность, цвет, напряжение — поднимается из лимбического слоя и ищет слова в коре. «Это ревность». «Это страх». «Это любовь». Это название полезно, но оно же есть редукция: чувство кодируется в категорию, а категория его ограничивает. Кто называет свою ревность «я ревную», переживает иную ревность, чем тот, кто называет её «мне не хватает возможности, которая есть у него» или «я тоскую по тому, что она выстроила». Ярлыки коры фильтруют переживание — они делают возможной коммуникацию, но одновременно закрывают часть опыта.

Дневной поток — движение спонтанного подъёма: чувство ищет своё слово. В психологически здоровой системе этот поток течёт плавно: лимбическая интенсивность достигает коры, кора называет её настолько точно, насколько позволяет доступный язык, и результат разделяется или обрабатывается. Когда дневной поток блокируется — когда чувства больше не достигают коры, или когда кора отказывается принимать то, что поднимается снизу, — возникает выученная пустота: чувство есть, но его не допускают.

Ночной поток течёт вниз: от коры к лимбической системе. Это REM-работа — движение, происходящее ночью, в закрытых циклах сна, когда весь кортикальный материал дня прокладывает путь вниз к более глубокой структуре. То, что днём было словом, ночью опускается как чувство. Знание становится мудростью. Информация становится ощущением. Ночной поток

— фундаментальный механизм обучения человека, и одновременно наиболее систематически пренебрегаемый.

Есть также третий поток: первопоток, идущий от первочувства к лимбическому слою. Это непрерывный несущий поток, постоянное питание среднего слоя из самого глубокого. Первочувство регистрирует непрестанно — оно всегда активно, всегда считывает. Информация, которую оно даёт, поднимается в лимбический слой как постоянный фоновый поток прямого восприятия. Когда кто-то входит в комнату и чувствует, что «что-то не так», не умея это назвать, — это первопоток, достигший лимбического слоя, но ещё не добравшийся до коры.

III.3 REM-сон как нейронная техника обучения

Ночной поток имеет своё неврологическое местонахождение в REM-сне: фазе сна, характеризующейся быстрыми движениями глаз, яркими снами и наиболее интенсивной нейронной обработкой. Это наиболее изученная фаза, функции которой в общепринятой науке понимаются хуже всего — и функции которой в этой модели называются наиболее явно.

Во время REM-сна все внешние потоки ввода эффективно отрезаны. Органы чувств сведены к минимуму — тело обездвижено мышечным параличом, так что двигательные сигналы из сна не исполняются. В этом состоянии кора не может получать новую информацию снаружи. Она предоставлена самой себе.

В этом закрытом состоянии начинается обработка. Переживания дня воспроизводятся, сортируются, прокручиваются снова, взвешиваются. Кора сравнивает новый материал с существующими паттернами в глубинных структурах. Где есть напряжение между новым и существующим, там напряжение разрешается — не всегда изящно, но всегда. Результат: то, что днём было новым понятием, ночью интегрируется в существующий паттерн ощущения. Знание опускается.

Это то, что автор этой модели описывает как «отливку вниз в закрытых фазах»: ночью кора отливает свой материал в лимбическую систему, в закрытом цикле, со всеми закрытыми внешними потоками ввода. То, что днём появлялось сверху как слово, ночью опускается в мозг млекопитающего, где и поглощается структурой чувства.

Следствие для понимания знания фундаментально. Есть два типа знания, качественно различающихся между собой. Есть кортикальное знание: то, что ты можешь произнести, аргументировать, отстоять в дискуссии. Это знание, которое сдаёт экзамены, пишет статьи, держится в академических дебатах. И есть лимбическое знание: то, что ты не можешь объяснить, но что направляет твой компас, что ты прямо чувствуешь в ситуациях, что

защищает от опасности и ведёт к возможностям. REM-сон — мост, преобразующий первое во второе.

Когда кто-то чему-то «по-настоящему» научился — не просто как кортикальный факт, а как паттерн ощущения, — это всегда происходит после периода обработки, сна, ночного оседания. Это разница между тем, кто прочитал книгу о плавании, и тем, кто научился плавать. У обоих есть знание. Но второй позволил знанию опуститься в структуру своего тела, своей лимбической системы, своего первочувства — и потому действительно умеет плавать.

Что это означает для REM-сна как условия обучения: не спать или спать тревожно — не просто вредно для здоровья, это препятствует отливке. Знание остаётся наверху, в коре, летучим и не закреплённым. Вот почему тот, кто плохо спит, не только устаёт, но и не становится мудрее от своих переживаний: переживания накапливаются, но не опускаются. Они становятся фактами, но не паттернами. Становятся словами, но не ощущением.

III.4 Три вида пустых форм

Термин «пустая форма» имеет в этой модели конкретное техническое значение, отличающееся от обыденного употребления. Когда мы говорим, что кто-то «без любви», «без уважения» или «без сил», в повседневном языке мы описываем отсутствие чего-либо. Однако в терминологии данной модели существуют три фундаментально различных вида этого отсутствия, каждый с собственной причиной, собственной архитектурой и собственной ценой.

Кора-пустая — первый и наиболее поверхностный вид. Человек, у которого кора-пустая в отношении определённого чувства, просто не имеет соответствующей категории в своём языковом репертуаре. Кора не знает слова, понятия, категории. Ребёнок, никогда не слышавший слова «эмпатия» и не получивший описания эмпатичного поведения, с трудом распознаёт и называет этот феномен — даже если само чувство присутствует в лимбическом слое. Кора-пустая — это приобретённый недостаток: отсутствие языковой категории для того, что на более глубоком уровне может вполне присутствовать. Это наименее серьёзный тип, поскольку в принципе он исправим путём предоставления нужной языковой категории.

Лимбическая пустота — второй и более тяжёлый вид. Человек, имеющий лимбическую пустоту в отношении чувства, испытывает структурное отсутствие этого чувства в самой чувственной системе — не в языковом слое, а в глубинном. Лимбическая пустота — это не отсутствие слова, а отсутствие самого ощущения. Никакая терапия, работающая через кору, не достигает этого напрямую. Это структурная пустота в мозге

млекопитающего, вызванная травмой, длительным крайним подавлением или биологическими факторами, повредившими или не давшими развиться соответствующей чувственной структуре. Лимбическая пустота несёт свою цену, но это также состояние, которое может быть достигнуто через созревание — через подлинное отпусканье чувства, больше не нужного, посредством ночного оседания многолетнего опыта.

Выученная пустота — третий и наиболее распространённый вид в нашей культуре. Чувство есть — лимбическая структура цела, способность к чувству присутствует. Но кора научилась его подавлять. «Не будь таким чувствительным». «Сначала подумай». «Это тебе кажется». Чувство поднимается из лимбической системы, достигает коры, и кора его отвергает: называет нелегитимным, слабым, иррациональным, социально неприемлемым. Не потому что его нет — оно есть, — а потому что усвоенная норма говорит, что его не должно быть.

Выученная пустота — наиболее опасный тип по двум причинам. Первая: её труднее всего распознать, потому что кора верит собственному вытеснению. Человек, у которого выученная пустота в отношении страха, не только говорит «я не боюсь», но и верит в это. Он так хорошо усвоил собственное подавление, что оно стало невидимым. Вторая причина — цена, которую платит тело за расхождение между кортикальным утверждением и лимбической реальностью: хронический стресс, психосоматические жалобы, медленная эрозия контакта с собственной внутренней жизнью. Тело не может быть подавлено — оно знает то, что отрицает кора.

Образование в его нынешнем доминирующем виде производит главным образом выученную пустоту: детей, которые чувствуют, но учатся, что этого нет, или что этого не должно быть, или что это не считается, если не вписывается в правильные категории. Терапевтическая работа целой жизни может состоять в обнаружении выученной пустоты: признании того, что было, но было спрятано, и осторожном, через ночной поток, возвращении этого к поверхности.

Различие между тремя видами пустых форм имеет большое диагностическое значение. Когда кто-то говорит «я не ревную», это может означать три вещи, требующие принципиально разного подхода: он никогда не интернализировал понятие ревности (кора-пустая); ревности действительно нет в его лимбической структуре, потому что он её пережил и отпустил (лимбическая пустота); или ревность есть, но он научился её отрицать (выученная пустота). Первая ситуация требует языкового обучения. Вторая не требует ничего — это достигнутое состояние. Третья требует готовности отпустить отрицание.

III.5 N-ось как биографический маршрут

N-ось была введена в разделе II.4 как индивидуальное измерение модели — ось, вдоль которой овальная структура смещается от человека к человеку. Здесь N-ось разрабатывается подробнее как биографический маршрут: не только как позиция, но и как движение во времени.

Биографический маршрут — это путь, пройденный человеком, чтобы оказаться на нынешней N-позиции. Важно не только то, где кто-то сейчас стоит в пространстве чувственной системы, но и каким путём он туда пришёл. Два человека, стоящие на одной N-позиции в отношении определённого чувства — скажем, ревности, — могут прийти туда совершенно разными путями. Первый всегда переживал ревность открыто и свободно; второй пришёл к тому же состоянию через глубокую травму и долгое восстановление. N-позиция одна и та же, но биографические маршруты радикально различны — а это сказывается на устойчивости позиции, на уязвимости к срыву и на том, как чувство ведёт себя в новых ситуациях.

N-ось как биографический маршрут вводит также понятие направления движения: движется ли человек в сторону большего лимбического контакта и более живого первочувства — или в сторону большей выученной пустоты и большего доминирования коры? Движение вдоль N-оси не однонаправлено и не автоматически прогрессивно. Травма может обратить движение вспять. Созревание обычно движется в сторону большего лимбического контакта и более утончённого первочувства. N-ось как маршрут — это также мера направления психологического развития.

На практике это означает, что вмешательства — терапевтические, педагогические, социальные — всегда должны учитывать биографический маршрут. Одно и то же чувство у двух людей требует разного подхода, если их маршруты к N-позиции различны. Вмешательство, полезное для одного, может оказаться вредным для другого — не потому что чувство по содержанию отличается, а потому что путь, которым оно было достигнуто, различен.

N-ось делает модель также лонгитюдинальной: она описывает не только состояние в данный момент, но и движение во времени. Это модель, способная описать жизнь, а не только момент.

III.6 Параллель с тем, как обучается искусственный интеллект

Между работой семимерной модели чувств — в особенности REM-сном как нейронной техникой обучения — и тем, как обучаются современные системы искусственного интеллекта, есть удивительная и структурно связанная параллель. Эта параллель не декоративна, а иллюстративна: она

указывает на более глубокий принцип, независимо открытый и применённый двумя различными системами.

Системы искусственного интеллекта — в особенности крупные языковые модели, привлекающие сейчас наибольшее внимание, — обучаются через тренировку в циклах, закрытых от мира. В ходе тренировочного цикла модель подвергается воздействию большого объёма данных, а внутренние параметры корректируются на основе ошибок, которые модель делает в своих предсказаниях. Но этот процесс происходит не в реальном времени — это закрытый цикл. Во время тренировки модель не может получать новую информацию извне, которая нарушала бы тренировку. Все внешние потоки ввода эффективно закрыты в фазе обучения.

Это в точности структура REM-сна. Во время REM-сна все внешние потоки ввода отрезаны. Мозг тренируется на переживаниях дня — пересчитывает, перекаатегоризирует, корректирует внутренние представления. И делает это в закрытом цикле, защищённом от нового внешнего ввода. Принцип одинаков: глубокое обучение требует закрытия внешнего потока.

Различие — в природе параметров. У систем ИИ параметры — это веса в математической сети, абстрактные числа без внутреннего значения. У биологических мозгов параметры — паттерны связей и активации в сети из сотен миллиардов нейронов, встроенной в тело с первочувством. У системы ИИ нет лимбического слоя. У неё нет первочувства. Она может описать ревность, перефразировать её, генерировать примерные предложения и ухватить её структуру в словах — но не переживает ревность как цвет и интенсивность в среднем слое. Она знает топологию, но не обитание.

Это различие фундаментально, но не отменяет параллели. Параллель описывает архитектурный принцип: глубокое обучение требует закрытых циклов. Человеческий мозг открыл этот принцип в ходе эволюции и применил его в форме REM-сна. Информационные технологии заново открыли тот же принцип в форме тренировочного цикла. То, что в одном случае это биологически, а в другом — математически, не меняет принципа.

Параллель с ИИ имеет и педагогическое применение. Точно так же как модель ИИ не обучается в ходе инференции — не во время фазы применения, выдачи ответов, использования, — человек не обучается оптимально в ходе непрерывной активности. Обучение требует периодов покоя, закрытости, восприимчивости к ночной обработке. Образовательная система, перегружающая детей активностью и лишаящая их тишины и сна, необходимых для подлинного обучения, настраивает их как машины инференции без способности к обучению: они исполняют, но не становятся мудрее.

III.7 Следствия для образования

Если модель верна — если человеческая чувственная жизнь действительно устроена таким образом, с первочувством в основе, лимбической системой как окрашивающим слоем, корой как языковой надстройкой и REM-сном как связующим механизмом, — то это имеет далеко идущие последствия для того, как мы воспитываем детей и даём им образование.

Наиболее фундаментальное следствие таково: доминирующая модель образования тренирует именно тот слой, который наименее фундаментален (кору), и систематически позволяет засыхать именно тому слою, который наиболее фундаментален (первочувству). Это не только педагогически субоптимально — это структурное разрушение ценнейшей способности человека: прямого чтения реальности.

Прусская модель школы, разработанная в XIX веке для конкретных политико-экономических целей, выполнила свою историческую функцию. Она производила стандартизированную рабочую силу, нужную промышленной революции. Но информационная эпоха, последовавшая за ней, и кризис, который она породила в обществе, в значительной мере являются продуктом той же самой модели, продолжавшейся слишком долго. Прусский скелет образования служил промышленной революции. Для информационной эпохи — и для человеческих кризисов, ставших в ней видимыми, — он является колодой на ноге.

Альтернативное образование, защищающее первочувство и культивирующее три слоя мозга в равновесии, включало бы следующие элементы:

Тишина как предмет. Не тишина как наказание или пустая пауза, а тишина как усваиваемая способность: умение ничего не делать без дискомфорта, возможность слышать себя. Ребёнок, не умеющий быть тихим, не может слышать себя. А кто себя не слышит, тот лишён первичного информационного потока первочувства.

Тело как компас. Принять тело всерьёз как источник информации — не как транспортное средство для головы, а как систему, обрабатывающую информацию на уровне, недоступном коре. Дети, научившиеся доверять своим телесным сигналам и интерпретировать их, развивают чувство ситуаций, которое никакая когнитивная модель не заменит. Движение, игра, ручной труд и природа — не перерыв в обучении, а его носитель.

Истории прежде объяснений. Мифология, сказки и архетипы учат ребёнка распознавать паттерны на более глубоком уровне, чем фактические знания. Аналитический слой может продуктивно следовать лишь тогда, когда ему есть на что опереться. Тот, кто сразу анализирует с детьми истории на предмет морали и смысла, пропускает шаг, на котором история сначала работает на лимбическом уровне — когда паттерн чувствуется прежде, чем понимается.

Сомнение как законная позиция. «Я не знаю, но чувствую, что здесь что-то не так» должно быть приемлемым ответом. Все великие прорывы в науке и искусстве начинались с необоснованного предчувствия — с первочувства того, что реальность устроена иначе, чем предлагают существующие модели. Образовательная система, ставящая кортикальное обоснование единственной эпистемической нормой, закрывает ворота к этим прорывам.

Наставники вместо учителей. Первочувство нельзя выучить из книги. На него влияет только присутствие того, у кого оно ещё есть, — человека, прямо читающего реальность, чьё ощущение надёжно, чьё суждение питается глубинными слоями. Один такой человек в детской жизни способен спасти талант, который иначе был бы потерян под давлением системы.

Защита глубокой концентрации. Ребёнок, погружённый во что-то — полностью поглощённый проблемой, игрой, проектом, — пребывает в состоянии, в котором первочувство и лимбическая система работают вместе без постоянной коррекции со стороны коры. Это состояние — педагогическое золото. Здесь теряется много талантов — не из-за жестоких учителей, а из-за сердечных педагогов, полагающих, что разносторонний ребёнок — счастливый ребёнок, и вытаскивающих его из концентрации, чтобы он «тоже попробовал что-нибудь другое».

Природа как ежедневная образовательная среда. Не как экскурсия раз в квартал, а как почва, на которой происходит обучение. Природа имеет собственную N-ось: каждый ландшафт несёт собственную биографию, собственный паттерн изменений во времени, собственную логику причины и следствия, которая раскрывается лишь тому, кто достаточно долго в ней присутствует. В контакте с ней ребёнок развивает чувство долгосрочных паттернов — ощущение того, как системы работают во времени, — которое в цифровой среде не выстраивается.

Ни один из этих строительных блоков не нов. Они уже существуют: в педагогике Reggio Emilia, в финской дошкольной системе, в традиции маори kaitiakitanga, в некоторых Waldorf-школах, в опытном обучении Дьюи и других. Они работают. И всё же на национальном уровне нигде они не введены по-настоящему и последовательно. Это требует честного объяснения, которое даётся в последнем разделе этой части.

III.8 Следствия для терапии и саморазвития

Модель имеет также прямые следствия для работы с людьми в психологическом страдании. Центральный тезис прост, но далеко идущ: только разговор не работает для глубинных слоёв чувственной жизни.

Разговорная терапия — во всех её вариантах — работает прежде всего с корой. Разговор называет, категоризирует, интерпретирует, рассказывает. Это полезно и имеет собственный эффект: оно облегчает кору, даёт

структуру хаосу, делает высказываемым то, что прежде не произносилось. Но кортикальное воздействие разговора не достигает лимбического слоя напрямую. А лимбический слой — именно там, где сосредоточены большинство хронических психических жалоб: в структурных паттернах чувственной системы, сформированных переживаниями и не меняющихся через обычный языковой путь.

Вот объяснение широко распространённого феномена: люди годами ходят на терапию, много понимают о себе, но мало реально меняются. Они приобрели кортикальное знание, но ночной поток не смог передать это знание в более глубокие слои. Знание зависает наверху — языковое, понятийное, но не прочувствованное.

Необходима терапия, способствующая REM-работе. Это возможно разными способами: через то, чтобы дневные вмешательства «отстаивались» через сон достаточного качества, при котором инсайты беседы получают возможность ночью опускаться. Через телесно-ориентированные подходы, напрямую воздействующие на лимбический слой, минуя кору как промежуточный шаг. Через ритуальные повторения, дающие ночному потоку узнаваемый материал для работы. Через художественные или музыкальные вмешательства, напрямую затрагивающие лимбический слой на его собственном уровне — цвет, ритм, мелодия, движение.

Три типа пустых форм имеют каждый свою терапевтическую логику. Кора-пустая требует расширения языка: ребёнок или взрослый, никогда не научившийся языку определённого чувства, сначала нуждается в словах, прежде чем станет возможна дальнейшая обработка. Выученная пустота требует осторожного разрешения покинуть это вытеснение: чувство, которое есть, но отрицается, должно снова стать желанным — что требует времени и безопасности. Лимбическая пустота требует более глубокого понимания того, что действительно повреждено и возможно ли восстановление, — иногда да, иногда требуются другие способности, которые обычные терапевтические вмешательства обеспечить не в силах.

Саморазвитие вне терапевтического контекста следует той же логике. Большинство книг по саморазвитию, мастер-классов и методик работают с корой: они дают инсайты, фреймворки, техники. Они полезны как отправная точка, но недостаточны как конечный пункт. Подлинное саморазвитие требует готовности ждать ночного потока — давать инсайтам, полученным днём, время опуститься, доверять процессу обучения, происходящему в часы, когда спишь и кажешься бездейственным.

В этом смысле хороший сон, возможно, является наиболее недооценённым инструментом саморазвития из всех существующих. Не как побочное занятие или восстановительная активность, а как первичный механизм, посредством которого трансцендирующее знание выстраивается в течение жизни.

III.9 Следствия для общества

Следствия модели для общества — наиболее далеко идущие и наиболее неудобные. Они логически вытекают из всего вышеизложенного, но указывают на вывод, к которому большинство политических анализов не приходят.

Вывод таков: общество людей с сохранным первочувством неуправляемо в нынешнем смысле этого слова. Это не досадный побочный эффект. Это проектный критерий существующей системы.

Люди с сохранным первочувством не позволяют убедить себя в том, чего не ощущают. Они не реагируют на рекламу, умело использующую эмоциональные триггеры, но предлагающую продукт, не выполняющий обещанного, — потому что они чувствуют разницу. Они не голосуют за политиков, звучащих хорошо, но пустых, — потому что они слышат этот пустой звон. Они не работают над бессмысленными вещами — потому что они чувствуют бессмысленность прежде, чем кора успела её аргументировать. Они меньше покупают. Они потребляют критичнее. Они менее манипулируемы пропагандой страха, потому что страх работает на ирреальной стороне W-оси, а сохранный первочувство отличает реальную угрозу от сконструированной.

Это не приветствуемая новость для укоренившихся властных структур. Не потому что они по определению злонамеренны — многие из них таковыми не являются, — а потому что они построены на допущении, что людьми можно управлять через кортикальные сигналы: через цены, правила, стимулы, наказания, кампании. Обществом людей, прежде всего ориентирующихся через первочувство, нельзя управлять таким образом. Оно саморегулируется так, что внешнее управление становится излишним, — но также подрывает его, поскольку оно основывается на манипуляции, а не на подлинном служении.

Вот более глубокая причина того, почему школьная система такова, какова она есть. Не из злого умысла, не из сознательного заговора, а из структурного интереса, настолько глубоко встроенного, что он не воспринимается даже как интерес: управляемое общество нуждается в управляемых людях. А управляемые люди — это люди, чьё первочувство обузданно, чьё прямое восприятие отрицается, чей компас заглушён институциональной нормой обоснуемого утверждения.

Это не теория заговора. Это описание структурной логики, которую никто не придумал, но которую все поддерживают. Институциональный прогресс цивилизации требует предсказуемости. Предсказуемость требует стандартизации. Стандартизация требует, чтобы уникальное — индивидуальное первочувство, N-ось — было сведено к среднему. Институт не хочет знать, как каждый конкретный человек ощущает реальность. Он хочет знать, как люди в среднем реагируют на средние стимулы.

Этическое следствие тяжело. Если модель верна, наша цивилизация создала систему, систематически лишаящую собственное население его фундаментальнейшей способности — прямого контакта с реальностью — ради управляемости, стоящей на службе структур, сами не имеющих первочувства. Это нечто, что нельзя исправить новой школьной программой или изменённой государственной стратегией. Это структурная ориентация, задающая фундаментальные вопросы о том, как строятся цивилизации и в чьих интересах.

Вопрос о том, каким выглядело бы общество, систематически защищающее первочувство вместо его изгнания, — это вопрос, который ставит данная модель, но на который ещё не даёт ответа. Это вопрос, на который может быть направлено дальнейшее мышление.

IV.1 Вопрос за пределами трёх слоёв мозга

До сих пор данная теоретическая работа была сосредоточена на чувственной жизни индивида — на топологии пространства чувств, на трёх слоях мозга, на процессе обучения, совершающемся внутри одного человека между днём и ночью. Первочувство всегда было личным компасом отдельного человека: инструментом, с помощью которого он напрямую читает реальность, минуя фильтр языковой коры.

Но как только модель выстроена как следует, тут же встаёт вопрос, на который уже нельзя ответить в рамках одного индивида. Это вопрос о том, общаются ли первочувства между собой. Не через язык, не через жест, не через обычные органы чувств — а напрямую, на том уровне, где работает само первочувство.

Опыт существования чего-то подобного сообщался всеми культурами и во все времена. Матери, просыпающиеся в момент, когда их ребёнок вдалеке попал в беду. Пары, прожившие вместе годы и чувствующие звонок друг друга ещё до того, как телефон начинает звонить. Люди, ощущающие взгляд другого в затылке, прежде чем обернуться. Целители, на расстоянии пробуждающие в другом нечто, что не было иницировано ни словом, ни жестом. Наука долго отмахивалась от этих свидетельств как от избирательной памяти, внушения или самообмана. Но упорство явления — в каждой культуре, в каждый исторический период, в каждой демографической группе — больше, чем одна лишь погрешность выборки может объяснить.

Вопрос, который ставит эта часть, поэтому не мистический, а методологический: а что если эти наблюдения указывают на нечто физически реальное, но не регистрируемое современными измерительными инструментами? Что если между людьми существует форма коммуникации, работающая помимо обычных чувственных каналов, но в рамках законов физики? И какой физический носитель может претендовать на эту роль?

IV.2 Что последовательность засыпания говорит о чувствах

Ключ к этому вопросу лежит в наблюдении, которое каждый может сделать в момент засыпания. Органы чувств выключаются не одновременно. Они выключаются в определённой последовательности, и эта последовательность информативна.

Первым умолкает ощущение самого тела: проприоцепция и интероцепция, поступающие через спинной мозг и ствол мозга. Это самые медленные сигналы — непрерывный поток информации о позе, мышечном тоне, органических ощущениях, телесном присутствии. Их частота низкая, их осознание проходит незаметно. При засыпании они исчезают первыми — засыпаящий перестаёт ощущать своё тело.

Затем значительно снижается обработка обоняния. Обоняние работает с молекулами, физически достигающими слизистой носа. Обработка информации от него относительно медленна и связана с более древними структурами мозга — обонятельная луковица располагается близко к лимбической системе. При засыпании обоняние умолкает раньше более высоких органов чувств.

Затем снижается слух — он работает на частотах от 20 до 20 000 герц, в средней части воспринимаемого спектра. Слух присутствует дольше других органов чувств, потому что эволюционно было важно реагировать во сне на приближающуюся опасность. Но в конечном счёте и слуховая обработка значительно снижается.

Последним выключается, если о выключении вообще можно говорить, зрение. Глаза закрываются ещё до того, как умолкают другие органы чувств — там нет плавного снижения, а есть физическое закрытие. Однако зрительная кора остаётся активной, особенно во время REM-сна, когда формируются образы сновидений. Зрение работает на частотах значительно более высоких, чем слух, — электромагнитное излучение в видимом диапазоне, от 430 до 770 терагерц.

В этой последовательности обращает на себя внимание то, что она примерно соответствует лестнице частот: от медленного (телесный сигнал) к высокому (видимое излучение). Органы чувств выключаются в порядке их характерного частотного диапазона. Это не случайность. Мозг блокирует сигналы последовательно, упорядочив их по характеру, с целью поэтапного отпускания внешнего мира.

Но тут возникает настоящий вопрос. А что если за зрением на этой лестнице находится ещё один орган чувств? Орган, работающий на частотах ещё более высоких, чем видимое излучение, и отключаемый последним — или, возможно, вовсе не отключаемый, а начинающий работать именно после всех остальных?

Это гипотетический вопрос, но продуктивный. Ведь если такой высший орган чувств существует, то в каком-то смысле он должен присутствовать у каждого человека — и в те часы, когда все другие каналы закрыты, должен становиться наиболее работоспособным. Это в точности соответствует тому, о чём сообщают на протяжении веков: что ночью, в тишине, в уединении, во сне — когда все обычные органы чувств умолкли — люди нередко особенно остро ощущают то, что происходит с близкими им людьми вдали.

IV.3 Гипотеза о гравитационном излучении

Фундаментальнейшая форма коммуникации, известная физике, — гравитационное излучение. В отличие от электромагнитного, которое может экранироваться материей, гравитационное излучение проходит сквозь всё. Массивные объекты не ослабляют его сколько-нибудь заметно. Свинцовые стены, черепа, километры породы — ничто его не останавливает.

Общепринятый подход к гравитационному излучению исходит из того, что оно очень слабо взаимодействует с материей и возникает на очень низких частотах. Детекторы LIGO, впервые напрямую зафиксировавшие гравитационные волны в 2015 году, измеряют частоты от примерно 30 до 250 герц — происходящие от слияния чёрных дыр на расстоянии миллиардов световых лет. Другие астрофизические источники генерируют излучение на ещё более низких частотах, в миллигерцовом диапазоне и ниже.

Но эта низкочастотная парадигма — не закон природы. Это методологическая предвзятость. Наука начала искать гравитационное излучение там, где его ожидала, — у гигантских, медленно ускоряющихся астрофизических источников, — и настроила под это свои инструменты. Общая теория относительности не запрещает высоких частот; она запрещает лишь конкретные сочетания энергия-частота, физически невозможные. Высокочастотное гравитационное излучение от меньших источников в принципе разрешено в рамках существующих теоретических рамок.

Это открывает возможность, которую нелегко отвергнуть, но которая — за отсутствием эмпирической работы — и не подтверждена. Эта возможность состоит в том, что живой мозг — и в особенности синхронизированная активность определённых нейронных сетей — является источником слабого высокочастотного гравитационного излучения. Не на частотах LIGO, а на значительно более высоких, в диапазоне, соответствующем скорости нейронных осцилляций и молекулярных движений в клетках мозга.

Какова была бы сигнатура такого излучения? Три характеристики бросаются в глаза:

Высокая частота. Нейронная активность варьирует от дельта-волн (0,5–4 герца) до гамма-осцилляций (30–200 герц) и, по некоторым измерениям, до ритмов в мегагерцовом диапазоне и выше на уровне микротрубочек. Если

бы между нейронным резонансом и гравитационным излучением существовала связь, это излучение следовало бы искать на этих высоких частотах — далеко от областей, где активны LIGO и её приемники.

Малый радиус действия. Астрофизические гравитационные волны остаются измеримыми на протяжении миллиардов световых лет, потому что они исходят от колоссальных масс-энергий. Поле мозга было бы несравнимо меньшим источником — и излучение убывало бы с расстоянием быстро. Но это не недостаток; это как раз объясняло бы, почему эффект наблюдается только вблизи. Люди в одной комнате его ощущают. Люди в километрах от них — нет.

Направленность через передние области мозга. Префронтальная кора имеет наибольшую плотность нейронов и наиболее синхронизированные гамма-ритмы при целенаправленном внимании. Если бы существовала форма когерентной коллективной осцилляции, способной служить источником гравитационного излучения, то префронтальная кора была бы более очевидным кандидатом, чем произвольные другие области мозга. Наблюдение о том, что направляющий эффект, по-видимому, исходит через лоб, согласуется с этим.

Важно подчеркнуть: эта гипотеза не утверждает, что гравитационное излучение является реальным носителем, — только что оно является кандидатом, вписывающимся в существующие законы природы и способным объяснить наблюдаемые характеристики явления. Другие кандидаты не исключены: слабые электромагнитные поля в области мозга, субпороговые воспринимаемые сигналы, возможно, квантово-когерентные эффекты в микроскопических нейронных структурах. Выбор между ними — в конечном счёте эмпирический, а эмпирика пока отсутствует.

IV.4 Почему наука этого не измерила

Отсутствие научных доказательств того, что здесь предлагается, — не то же самое, что доказательство отсутствия. Существуют три структурные причины, по которым современная наука не смогла измерить этот феномен, и ни одна из них не является принципиальной невозможностью.

Первая причина: для этого не построены детекторы. LIGO и её приемники разработаны для низкочастотного диапазона. Высокочастотные детекторы гравитационного излучения существуют в теоретических предложениях — например, так называемый Levitated Sensor Detector или предложения по квантово-предельно-чувствительным интерферометрам, — но ни один из них не разработан операционально, потому что астрофизический источник в этом диапазоне не предполагался. Наблюдение было методологически сделано невозможным ещё до того, как могло когда-либо состояться.

Вторая причина: допущение о слабом взаимодействии. Стандартные расчёты показывают, что гравитация крайне слабо взаимодействует с материей на низких частотах. Но на высоких частотах и малых расстояниях

соотношение взаимодействия не обязано быть тем же. Теоретические предложения вокруг планковских эффектов подсказывают, что отношение между гравитацией и квантовой физикой на очень малых расстояниях и при высоких энергиях сложнее, чем предполагает макроскопическая теория относительности. Об этом мы пока почти ничего не знаем. Допущение о том, что слабость взаимодействия, измеряемая на большом масштабе, справедлива и на малом, — рабочая гипотеза, а не установленный факт.

Третья причина: биологические эксперименты в этом направлении не финансируются. Идея о том, что живой мозг мог бы быть источником измеримого гравитационного излучения, настолько далека от общепринятой парадигмы, что не получает субсидий. Исследователь, желающий измерить, существует ли этот феномен, не получает бюджета, места работы, публикационного пространства. Тем самым возникает иллюзия, что ничего нет, тогда как на самом деле просто не смотрели.

Эти три причины вместе образуют устойчивое слепое пятно в эмпирической науке. Не из злого умысла, а из структуры парадигмы. Парадигма определяет, какие вопросы являются значимыми, а тот, кто спрашивает за её пределами, не слышим. Это паттерн, снова и снова воспроизводящийся в истории науки: Mendel, которого современники игнорировали; Wegener, чья теория дрейфа континентов десятилетиями отвергалась; Barbara McClintock, чьи транспозоны пришлось ждать десятилетиями. Идея, слишком далеко выходящая за пределы существующего мышления, не опровергается — она остаётся необсуждённой.

То, что предлагается здесь, может постигнуть та же участь. Или оно может открыть направление исследований, фундаментально пересматривающее отношения между мозгом, чувством и физикой. Которое из двух — зависит от исследователей, решившихся принять эту гипотезу всерьёз.

IV.5 Направление луча

В свидетельствах, накопившихся за столетия, снова и снова воспроизводится различие, выступающее и в современных сообщениях: между непреднамеренным эффектом и намеренным направлением. Одни люди сообщают, что могут воздействовать на других, направляя своё внимание — сознательно сосредотачиваясь на человеке, направлении, желании. Другие сообщают не об активном направлении, а лишь о пассивном присутствии, от которого исходят эффекты без сознательного управления ими.

Это различие теоретически важно. В первом случае — активного направления — мозг предполагается посылающим направленный сигнал, подобно антенне, фокусирующей излучение в определённом направлении. Это предполагает физический механизм направленного распространения

сигнала, геометрию, в которой источник и целевая направленность координируются. Во втором случае — пассивного присутствия — речь скорее о поле, излучающем ненаправленно, которое другой мозг, если он достаточно восприимчив, может уловить.

Обе гипотезы в принципе совместимы с гипотезой о гравитационном излучении. Высокочастотный гравитационный источник, возникающий из синхронизированной нейронной активности, необязательно должен быть изотропным (одинаковым во всех направлениях) — геометрия префронтальных нейронных сетей могла бы приводить к некоторой направленной предпочтительности. С другой стороны, ненаправленное излучение мозга в целом также могло бы иметь место, причём воспринимаемое направление скорее являлось бы артефактом внимания наблюдателя, нежели геометрии самого сигнала.

Перед исследователем здесь встаёт важный методологический вопрос: когда кто-то наблюдает эффект у другого, как различить эффект направленного намерения и эффект присутствия? Различие нетривиально. Ведь могло бы быть так, что действующим фактором является не направленность, а присутствие, и что направленность лишь фокусирует внимание отправителя без физического воздействия. Или могло бы быть, что оба фактора вносят вклад, в пропорции, варьирующей от индивида к индивиду.

Это различие имеет и этические следствия. Направленное действие на другого человека — без его ведома или согласия — требует этического обоснования. Присутствие, производящее эффекты без направления, требует иной формы самосознания: не о том, что делаешь, а о том, кто ты есть. Человек с сильным полем несёт ответственность за своё присутствие так, как люди со слабым полем нести её не обязаны. Это форма моральной асимметрии, которую существующая этика не адресует должным образом.

Поэтому теоретически и этически важно, чтобы это различие серьёзно принималось в любых дальнейших исследованиях феномена. Не для того, чтобы высказываться о том, что этично, — этот разговор должен оставаться открытым, — а чтобы правильно поставить эмпирический вопрос. Что измерено? Эффект направления или эффект присутствия? Оба вместе? В каком соотношении?

IV.6 Толщина черепа, восприимчивость и «потолщение» лба

Примечательное наблюдение, встречающееся как в старой народной мудрости, так и в современных сообщениях, касается толщины лобной кости. Людям с более толстой лобной костью, по-видимому, менее восприимчивы к описываемой здесь форме коммуникации, чем люди с более тонкой. Выражение «у кого-то толстый череп» относится не только к упрямству — в более архаичных пластах языка оно, возможно, указывало и на сниженную восприимчивость к тому, что приходит снаружи.

Теоретически интересно сопоставить это наблюдение с двумя физическими кандидатами на носителя сигнала. Для электромагнитного излучения наблюдение верно без оговорок: более толстый костный слой значительно сильнее ослабляет электромагнитные сигналы. ЭЭГ-измерения поэтому качественно лучше у людей с более тонким черепом. Форма коммуникации, основанная на слабых электромагнитных полях, действительно демонстрировала бы сниженную эффективность при более толстой лобной кости.

Для гравитационного излучения наблюдение, однако, не верно — по крайней мере в классическом подходе. Гравитация не ослабляется костью. Костный материал не обладает большими или меньшими гравитационными свойствами, чем другая материя сопоставимой плотности. Более толстая лобная кость для классических гравитационных волн не имела бы значения.

Но здесь открывается интересная теоретическая возможность. Если то, что здесь предлагается, представляет собой гибридный эффект — высокочастотную форму излучения, обнаруживающую свойства как гравитации, так и электромагнетизма, или сопрягающуюся с биологическим материалом пока неизвестным образом, — тогда воздействие черепа на неё могло бы быть гибридным. Решающей была бы тогда не масса (как при классической гравитации), а молекулярная структура (как при электромагнитных полях, но в более высоком частотном режиме).

Это спекулятивно, но не неуместно для обсуждения. Это согласуется с предложениями из физики — такими как теория Penrose и Hameroff об Orchestrated Objective Reduction, — предполагающими, что сознание работает на квантовом уровне в микроструктурах внутри нейронов. Если эта теория справедлива хотя бы отчасти, то тонкие эффекты связи между гравитацией и квантовыми состояниями в микротрубочках могли бы приводить к физическим проявлениям, которые стандартная модель не предсказывает. Толщина лобной кости могла бы при этом играть роль — не как демпфер самой гравитации, а как модулятор тонкой квантово-электро-гравитационной связи, через которую сигнал входит в мозг и выходит из него.

И снова: это не утверждение, а гипотеза. Но гипотеза с физической правдоподобностью и с прямым эмпирическим предсказанием — а именно, что степень восприимчивости должна коррелировать с толщиной черепа измеримым образом. Это принципиально проверяемо. Исследование, коррелирующее степень восприимчивости к вне-сенсорному воздействию с геометрическими измерениями толщины черепа, могло бы дать прямые свидетельства — в том или ином направлении.

IV.7 Четыре направления для исследований

Разработанная выше гипотеза открывает четыре конкретных направления для эмпирических исследований. Ни одно из них не требует экзотических технологий или экстравагантных экспериментов. Все четыре осуществимы при нынешнем уровне науки — при условии наличия исследователей и средств, желающих всерьёз проверить гипотезу.

Первое направление — высокочастотная детекция гравитационного излучения вблизи активного мозга. Существующие теоретические предложения по высокочастотным детекторам — такие как левитационные датчики или некоторые квантово-предельно-чувствительные интерферометры — могут быть применены для проверки того, испускают ли люди в состоянии глубокой концентрации или REM-сна измеримое гравитационное излучение. Нулевое измерение в сравнении с базовым измерением без человека станет первым эмпирическим шагом. Если разница измерима, гипотеза вступает в фазу проверки. Если разница с текущими инструментами неизмерима, гипотеза должна быть уточнена в отношении ожидаемого диапазона мощности сигнала.

Второе направление — синхронизация сердечного ритма и мозговых волн между людьми в экранированных помещениях. Если коммуникация между первочувствами действительно осуществляется через физический носитель, не улавливаемый обычными чувственными каналами, то в хорошо экранированной экспериментальной установке она должна поддаваться обнаружению. Два человека в двух электромагнитно и акустически экранированных комнатах, оснащённых ЭЭГ, МЭГ и ЭКГ измерениями, без какого-либо чувственного контакта: демонстрируют ли их сердечные ритмы или мозговые волны корреляции, превышающие уровень случайности? Подобные эксперименты проводились в ограниченном объёме с разными результатами. Масштабная методологически строгая репликация была бы важна.

Третье направление — корреляция геометрии черепа с восприимчивостью к вне-сенсорному воздействию. Если гипотеза о модулирующем воздействии лобной кости верна, должна существовать измеримая корреляция между толщиной черепа (объективно измеряемой с помощью методов визуализации) и восприимчивостью в экспериментах, тестирующих вне-сенсорное воздействие. Исследование, сравнивающее участников с различной толщиной черепа по стандартизированной задаче, могло бы предоставить прямые свидетельства — или опровергнуть гипотезу.

Четвёртое направление — долгосрочное наблюдение за людьми, заявляющими о способности направленно применять феномен. То, о чём сообщается в народных преданиях и исторических источниках в отношении определённых людей, в наше время поддаётся лонгитюдинальному наблюдению. С их согласия, в этически корректной

установке и с достаточным слепым дизайном для исключения внушения, можно было бы исследовать, коррелируют ли самооцениваемые способности с объективно измеримыми исходами у третьих лиц. Этот тип исследований имеет неудачную историю плохого исполнения и слабой методологии. Новое поколение тщательно спланированных исследований могло бы установить, какие заявления обоснованны, а какие объясняются другими факторами.

Ни одно из этих четырёх направлений не требует выхода за пределы физики. Они лишь требуют готовности исследователей принять гипотезу всерьёз — оставить открытой возможность того, что существует физический носитель, ещё не охарактеризованный, и соответственно скорректировать измерительные инструменты и экспериментальные установки. Это наука в её чистейшем виде: не знать, существует ли нечто, и затем аккуратно смотреть.

IV.8 Что это означает для семимерной модели чувств

Гипотеза о коммуникации между первочувствами имеет прямые следствия для топологической модели, разработанной в Части II. До сих пор N-ось определялась как индивидуальное измерение — позиция, на которой у каждого человека стоит его собственная чувственная система, независимо от позиции других людей. Но если коммуникация между первочувствами возможна, тогда N-позиции разных людей не являются по-настоящему независимыми. Они взаимодействуют.

Что это означает для модели — огромно. Два человека, находящиеся в непосредственной близости и чьи первочувства общаются между собой, оказывают друг на друга тонкое воздействие, способное влиять на их N-позиции. В ходе долгих отношений две N-позиции могут медленно мигрировать навстречу друг другу — не потому что люди объективно становятся похожими, а потому что прямая коммуникация между их чувственными системами производит взаимную настройку, ускользающую от языковой коры. Это объясняло бы, почему два человека, долгие годы прожившие рядом, нередко развивают форму взаимного ощущения, кажущуюся необъяснимой даже им самим.

Это объясняло бы также, почему присутствие определённых людей — учителей, наставников, родителей с сохранным первочувством — может оказывать на N-позицию ребёнка, которому они дали вырасти рядом с собой, длительное влияние. Не через то, что они говорили, не через то, чему учили, а через то, чем они были. Прямая коммуникация между их первочувством и первочувством ребёнка информировала архитектуру ребёнка так, что это не поддаётся полному описанию ни словами, ни явными действиями.

Это добавляет к модели восьмое измерение, или, точнее, делает явным то, что N-ось не только индивидуальна, но и интерсубъективна: N-позиция

человека частично формируется теми, кто был вокруг него, и теми, кто вокруг него есть. Чувственная топология человека — не отдельно стоящая структура, а узел в поле других чувственных топологий, с коммуникацией между узлами, не проходящей через обычные каналы.

Это проясняет и кое-что, присутствовавшее в более ранних частях неявно. Первочувство — не только компас, с помощью которого человек читает реальность. Это также орган, с помощью которого он пребывает в контакте с другими первочувствами. Изгнание первочувства из современного общества означает поэтому не только то, что отдельные люди теряют прямой контакт с реальностью. Это означает также, что люди между собой, на глубочайшем уровне, теряют контакт друг с другом. Одиночество современного человека не только социально — оно топологично: он отрезан от поля, с которым был прежде связан.

Это придаёт теме данной книги новую срочность. Восстановление первочувства — не только индивидуальное дело. Это работа, которая могла бы соединить общество на его глубочайшем уровне — не через языковой консенсус, не через институциональную координацию, а через восстановление поля, способного быть деятельным между всеми людьми, если бы они обладали способностью к нему присоединиться.

ЧАСТЬ V: ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ И ПОЭТАПНОЕ ВВЕДЕНИЕ ИЗМЕРЕНИЙ

V.1 Почему необходима теория развития

До сих пор данная теоретическая работа описывала семь измерений модели чувств как равноценные оси топологического пространства. Три пространственные оси (x , y , z), временная ось (t), G-ось (ускорение в величине), W-ось (ценность, реальное и ирреальное) и N-ось (индивидуальная и интерсубъективная). В модели взрослой чувственной жизни они работают вместе как семь измерений одного связного пространства.

Но человек не рождается взрослым. Он развивается, и в этом развитии измерения становятся операциональными не одновременно. Одни из них работают уже при рождении, другие созревают лишь на протяжении лет, а третьи достигают полного функционирования лишь в подростковом возрасте или в ранней взрослости. Теория развития в рамках данной модели должна поэтому прямо указывать, какое измерение созревает когда, и что происходит, если измерение навязывается раньше, чем человек в состоянии его нести.

Этот вопрос не только теоретически интересен. Он имеет прямые педагогические следствия. Ведь гипотеза, которую генерирует модель, состоит в том, что значительная часть того, что мы делаем с детьми как воспитание и образование, является попыткой навязать все семь измерений одновременно существованию, ещё не способному нести их все. Ребёнок реагирует на это не одновременным созреванием, а выстраиванием языкового наслоения поверх лимбической системы, которая не успевает. Это, в терминах Части III, производство кора-пустой без лимбического укоренения. Ребёнок делает вид, что живёт во времени, что чувствует моральные суждения, что отличает себя от других. Но первочувство, в собственном темпе желавшее созреть через каждое измерение, в этом процессе было отсечено.

Теория развития, прямо называющая поэтапное введение измерений, способна предотвратить этот ущерб. Она не предписывает чертёж, а задаёт направление мышления: в каком порядке и в каком возрасте измерение могло бы быть преподнесено ребёнку, не перегружая его первочувства? Эта часть разрабатывает это направление.

V.2 Зрелость пространственных измерений

Пространственные измерения x , y , z работают с рождения. Новорождённый немедленно ориентируется в пространстве: тянется к свету, поворачивается к звуку, ощупывает и тянется к тому, что чувствует. Его тело с самого начала является инструментом познания пространства. В первые месяцы он развивает моторику для сознательного хватания, в первый год — ползание, во второй — ходьбу. Пространственные измерения — наиболее естественное рабочее поле развивающегося ребёнка в первые семь лет.

Измерения x , y , z не абстрактны, а проживаемы. Ребёнок не знает, что такое ось x , но знает, что такое близко и далеко, что такое вверх и вниз, что такое слева и справа — в своём теле и в отношении к тому, что видит и трогает. Это прожитое знание — за пределами коры: оно сидит в его проприоцепции, в его вестибулярной системе, в его двигательной коре, напрямую общающейся с телом. Это не знание, которое ему нужно усваивать, — это знание, которым он является.

Что здесь может пойти не так — это нарушение телесного контакта с пространством. Ребёнок, слишком долго сидящий в стульях, получающий слишком много экрана без компенсирующего телесного движения, имеющий слишком мало свободного пространства для движения, развивает сниженное знание пространства. Не в языковом смысле — на уровне коры он ещё может знать названия направлений, — но в прожитом смысле. Его тело больше не знает пространство хорошо, и тем самым он теряет одно из базовых измерений, в которых работает первочувство.

Педагогический вывод очевиден: в первые семь лет ребёнок должен много двигаться, много трогать, много манипулировать предметами, много

самостоятельно исследовать пространство. Это не педагогическая роскошь, а педагогическая необходимость. Это фаза, в которой пространственные измерения развивают свою рабочую связь с первочувством, и эта связь не может быть установлена позднее.

V.3 Временное измерение и цена его раннего навязывания

Временное измерение фундаментально отличается от пространственных. Время неосознано, невидимо, неощутимо. Для маленького ребёнка время в его абстрактной форме не существует. Ребёнок живёт в расширенном сейчас, которое лишь медленно тянется к вчера и завтра. Понятия на следующей неделе, через месяц, позже в жизни для четырёхлетнего ребёнка в сущности несуществующи. Не потому что ребёнок когнитивно отстаёт, а потому что структура мозга, делающая возможным абстрактное переживание времени, — префронтальная кора — начинает по-настоящему работать лишь с шести-семи лет и достигает полного созревания лишь в начале двадцатых годов.

Что мы с детьми делаем практически повсеместно с начальной школы — так это вынуждаем их функционировать в измерении, которое их лимбический слой ещё не может нести. Мы спрашиваем, кем они хотят стать, пока они ещё не могут чувствовать, что значит позже. Мы ставим оценки и вознаграждения в конце работы, которую они могут потребовать лишь через недели. Мы учим их планировать к контрольным в будущем. Мы сталкиваем их с конечностью школьных дней, каникул, учебных лет — все эти абстрактные временные единицы в их реальном переживании пусты.

Следствие: ребёнок учится делать вид, что живёт во времени. Он выстраивает языковой слой, способный говорить о времени, формулировать планы, называть цели. Но этот слой не имеет лимбического укоренения. В своей более глубокой сущности ребёнок всё ещё в сейчас, но вынужден скрывать эту реальность под кортикальным наслоением временного сознания. Это одна из наиболее фундаментальных форм коры-пустой, описываемых в данной модели: делать вид, что находишься там, где тебя на самом деле нет.

Ущерб трудно переоценить. Ребёнок учится ранней отсрочке удовлетворения на уровне, к которому его первочувство ещё не готово. Он учится работать ради целей в дали, которой не чувствует. Учится планировать вместо того, чтобы ощущать. Всё это — кортикальные навыки, навязанные слишком рано лимбической системе, которая хотела созреть в ритме света и тьмы, голода и насыщения, активности и покоя, прежде чем оказаться спроецированной в абстрактное время.

Теоретическое предсказание модели: временное измерение не должно всерьёз вводиться в систему обучения раньше десяти-двенадцати лет. До этого возраста ребёнок имеет право жить в природных ритмах — ритме

света и тьмы, времён года, приёмов пищи и сна, дыхания и покоя. Эти ритмы рождены из наблюдения, а не из календаря. Календарь — социальный конструкт, пронзающий первочувство; ритм природной реальности, напротив, питателен.

Лишь с подросткового возраста, когда префронтальная кора действительно достаточно созрела, абстрактное время может быть введено продуктивно. В тот момент ребёнок способен планировать, не теряя своего сейчас, ставить цели, не изменяя своему ощущению, и интегрировать временное измерение в чувственную систему, уже прочно укоренившую другие измерения.

V.4 G-ось и цена слишком ранней морализации

G-ось в её земной форме работает с самого раннего возраста. Младенец знает, что хорошо ощущается, а что плохо, что притягивает, а что отталкивает. Малыш знает, какой человек даёт ему тепло, а какой — холод. Это G-ось в её непосредственной, прожитой форме — первочувство, прямо воспринимающее разницу между любовью и ненавистью, притяжением и отталкиванием, хорошим и нехорошим. Эта G-ось в земной форме является одним из естественных спутников развивающегося первочувства.

То, что мы традиционно прививаем ребёнку, — нечто другое: G-ось в небесной форме. Это концепция добра и зла как категорий, приходящих сверху, с моральными суждениями, исходящими не из собственного восприятия, а налагаемыми авторитетом. Религиозное воспитание делает это явным, но и светские формы воспитания делают то же самое: «так не принято», «так не делают», «это неправильно». Моральное содержание этих высказываний не всегда ошибочно, но их форма — ошибочна. Ребёнка учат, что добро и зло — нечто, что говорят другие, а не нечто, что он сам воспринимает напрямую.

Цена велика. Когда ребёнок слишком рано учится тому, что моральная G-ось небесная, — что добро и зло исходят из уст авторитетов, а не из его собственного чувствующего присутствия, — он учится не доверять своей собственной земной G-оси. Он начинает судить на кортикальном уровне, опираясь на усвоенные правила, а не на лимбическом уровне, опираясь на то, что реально чувствует. Это губительно для первочувства, потому что оно работает именно через земную G-ось. Если ей перестают доверять в пользу навязанной небесной версии, компас закрывается.

Теоретическое предсказание: G-ось в её явно-моралистической форме должна вводиться не раньше двенадцати-четырнадцати лет, и даже тогда — осторожно, в диалоге с собственным земным восприятием ребёнка. До этого возраста ребёнок имеет право строить своё моральное чутьё из прямого опыта: что в этот момент ощущается хорошим, что плохим, что притягивает, что отталкивает. Никакого абстрактного понятия греха,

никакого сконструированного понятия позора, никаких навязанных другими категориями того, что принято и не принято.

Это не означает, что ребёнок растёт без структуры или без руководства. Это означает, что структура и руководство соотносятся с тем, что ребёнок сам способен почувствовать в своей земной G-оси, а не перекрываются небесной имитацией. Ребёнку, сильно ударившему, не говорят, что бить грешно; ему помогают почувствовать, что его удар вызвал у другого, как это выглядело для другого — так, чтобы его собственное первочувство делало ту работу, которую иначе делала бы навязанная мораль.

Лишь с подросткового возраста, когда ребёнок накопил достаточно опыта со своей земной G-осью, он способен совершить переход к более абстрактным моральным суждениям, не теряя своего компаса. В тот момент он может интегрировать небесную G-ось с земной и критически решить, что он хочет, а чего не хочет воспринять от общества.

V.5 W-ось и право на ирреальное

W-ось — измерение ценности, различия реального и ирреального, между тем, что действительно существует, и тем, что мыслимо. В зрелом мышлении это различие остро и полезно. Но для маленького ребёнка ирреальное — важная территория развития. Дети фантазируют, мечтают, верят в монстров под кроватью, имеют воображаемых друзей, рассказывают истории, не зная, правда ли они. Это не недостаток. Это работа. Это их способ исследовать W-ось во всём её диапазоне прежде, чем ей явно предстать перед ними.

Что мы с ребёнком делаем практически повсеместно с пяти-шести лет — так это заставляем его отрицать ирреальное в пользу реального. «Это был просто сон». «Монстров не существует». «Держись фактов». «Ты это выдумал». Этими вмешательствами мы отсекаем левую дугу диаграммы чувств прежде, чем правая дуга полностью развилась. Ребёнок теряет доступ к ирреальной стороне W-оси и тем самым к целой стороне своего чувственного регистра: той части, где лежат пустые формы, где находятся зеркальные противоположные полюса, где разворачивается глубочайшая работа психики.

Предсказание модели: явное различие реального и ирреального не должно входить в систему обучения раньше десяти-двенадцати лет. До этого возраста ребёнок имеет право просто обитать в обоих мирах. Истории, сказки, мифология, архетипы — они питают ирреальное, не называя его таковым. Ребёнку не нужно знать, что сказка — вымысел, чтобы по-настоящему жить в ней, а это подлинное проживание делает лимбическую работу, которую никакие фактические знания не делают.

Лишь с подросткового возраста, когда кора усиливается, ребёнок естественно начинает проводить различие между эмпирически верифицируемым и живущим в воображении. Но и тогда педагогика

должна обеспечить, чтобы уважение к ирреальному сохранялось. Ирреальное — не низшая категория по сравнению с реальным; это другая категория, с собственной функцией в чувственной системе. Культура, систематически отвергающая ирреальное в пользу реального, производит людей, у которых W-ось парализована на левой стороне, — людей, больше не чувствующих пустых форм, не знающих зеркальных чувств, и потому структурно обеднённых в своей чувственной жизни.

V.6 N-ось и право не определять себя

N-ось — пожалуй, наиболее рано подавляемое измерение в нашем нынешнем воспитании. N-ось — измерение собственной позиции: кто я, чем отличаюсь от других, что моё и что твоё. Но у маленького ребёнка N-позиция ещё не сформирована. Ребёнок в ранние годы открыт на N-оси: он воспринимает впечатления из своего окружения, не сильно отделяя их от самого себя. Первочувство ребёнка находится в прямой коммуникации с первочувством его матери, отца, ближайшего окружения, — как разработано в Части IV. Эта открытость — не незрелость, которую нужно преодолеть, а естественная отправная точка для развития N-позиции, пребывающей в резонансе с другими N-позициями.

Что мы слишком рано делаем — принуждаем ребёнка к N-самоопределению. «Что ты думаешь?» «Чего хочешь ты?» «Каково твоё мнение?» «Что бы ты сделал?» Это вопросы, предполагающие сформированную N-позицию, которой у ребёнка ещё нет. Мы вынуждаем его отделиться от своего окружения прежде, чем он мог созреть в резонансе с ним. Следствие — N-позиция, называемая в языковых самоописаниях, но на деле пустая и вынужденная.

Пожалуй, наиболее вредное в этом раннем N-давлении то, что оно учит ребёнка видеть себя изолированной единицей, а не узлом в поле. Ребёнок учится: я должен знать, кто я без других, я должен иметь собственное мнение, я должен быть самостоятельным. Но N-ось так не работает. N-позиция всегда существует в отношении к другим N-позициям. Здоровое созревание — созревание в резонансе, а не в изоляции. Ребёнок, слишком рано вынуждаемый к самоопределению, теряет способность быть в подлинном контакте с другими — не из-за изолированности, а из-за неверного понимания того, чем является самость.

Предсказание модели: до двенадцати лет от ребёнка не нужно требовать явного самоотличения от других. Ему можно быть частью большего целого, в котором он воспитывается: семьи, группы, учебной среды. Ему можно воспринимать и двигаться вместе, не объясняя свою позицию. Лишь с подросткового возраста он начинает активно исследовать, чем отличается от своего окружения, — и это исследование является глубокой, многолетней работой, которую нужно защищать, а не ускорять.

Для педагогики это имеет далеко идущие последствия. Классовое обучение, индивидуальные задания, собственные работы, личные оценки — всё это вынуждает маленьких детей к N-самоопределению, которого они не выдерживают. Педагогика, учитывающая N-зрелость, — групповая без соревнования, совместная работа без индивидуальных претензий, диалогическая без давления самовыражения. Это ближе к тому, что существовало в более старых или незападных педагогиках и что промышленной педагогикой было систематически упразднено.

V.7 Четыре стадии развития

Когда мы сводим воедино вышеизложенное, возникает осторожный набросок четырёх стадий развития. Это деление — не чертёж, а концепция, способная питать дальнейшую работу.

Стадия 1, от рождения до примерно шести лет — пространство и тело. На этой стадии в системе обучения активно работают только пространственные измерения (x, y, z). Никакого абстрактного времени, никакой моральной G-оси в небесной форме, никакого резкого различения реального и ирреального, никакого давления на N-самоопределение. Ребёнок движется, чувствует, трогает, открывает. Мир существует в расширенном сейчас и в непосредственном пространстве. Истории, сказки, архетипы даются для питания ирреального, не называя его. Земная G-ось работает без того, чтобы ребёнок знал, что такое мораль. Родители и наставники работают в резонансе с ребёнком, не вынуждая его к самоопределению.

Стадия 2, примерно с шести до двенадцати лет — ритм, движение и игра. Пространственные измерения уточняются. Ребёнок развивает навыки — мелкую моторику, язык, чтение, письмо, — но всё ещё в ритме света и тьмы, времён года, природных циклов. Никакого абстрактного времени, никакого календаря как главного порядка. W-ось ещё не называется явно: факт и вымысел могут продолжать сосуществовать. G-ось работает по-земному: что ощущается хорошим, что плохим — в прямом восприятии. Никакой абстрактной морали ещё. N-позиция ещё открыта: ребёнку не нужно объяснять, кто он, ему можно быть частью бóльшего целого.

Стадия 3, примерно с двенадцати до восемнадцати лет — время, ценность, я-позиция. Лишь теперь время как абстрактное измерение вводится явно. Планирование, постановка целей, взгляд вперёд. W-ось называется явно: различие реального и ирреального становится предметом рефлексии, но с сохранением уважения к обеим сторонам. G-ось обретает моральное содержание: что хорошо, что плохо — но всегда выстраиваемое из собственного земного опыта, не навязываемое авторитетом. N-позиция становится предметом самоисследования: кто я, чем отличаюсь от других, в каком поле стою.

Стадия 4, примерно с восемнадцатью лет — полная интеграция. Только теперь все семь измерений совместно работают во взрослой чувственной системе. Человек способен планировать во времени, не теряя своего сейчас, выносить моральные суждения, не теряя своего земного компаса, занимать N-позицию, не разрывая коммуникации с другими N-позициями. Это взрослость в смысле данной модели: не биологический финал, а функциональная интеграция, в которой все семь измерений работают во взаимной согласованности.

V.8 Симметрия с порядком засыпания

Поразительное наблюдение открывается, когда мы кладём рядом эту последовательность развития и последовательность засыпания, описанную в Части IV.

При засыпании мы выключаем органы чувств в порядке частоты: сначала самые медленные телесные сигналы (проприоцепция через спинной мозг), затем обоняние, затем слух, затем зрение, и наконец — если гипотеза из Части IV верна — возможно, высокочастотная форма коммуникации между первочувствами, которая как раз ночью становится деятельной. Это лестница от медленного к высокому, от прямой телесной связи к абстрактной коммуникации.

Последовательность развития, разработанная в этой части, идёт ровно в другую сторону. Мы начинаем с пространственных измерений — прямой телесной связи с миром. Затем ритм, первая форма времени, не абстрактная, а прожитая. Затем более абстрактные измерения: временное в его полной абстракции, W-ось в явной форме, моральная G-ось, сформированная N-позиция. И возможно — это спекулятивно, но соответствует направлению модели — в самом конце приходит сознательный доступ к коммуникации между первочувствами, к седьмому измерению в его полном функционировании.

Теория развития, вводящая семь измерений в этом обратном по отношению к засыпанию порядке, обладала бы симметричной красотой. Рождение — медленное восхождение по лестнице измерений. Сон — ежевечернее возвращение по лестнице. Смерть — окончательное высвобождение, в котором всё обретает покой. Жизнь — долгое восхождение по измерениям, каждую ночь с кратким напоминанием о том, откуда мы пришли.

Эта симметрия не случайна и не сентиментальна. Она — указание на то, что семь измерений модели чувств отражают реальную структуру: структуру, описывающую не только взрослую чувственную жизнь, но и то, как человек в неё входит и как каждую ночь из неё возвращается. Ритм человеческой жизни — ритм спуска и подъёма по этой лестнице, растянутых на годы и на дни.

V.9 Что это означает для педагогики

Теоретические выводы этой части имеют далеко идущие следствия для образования и воспитания. Их можно свести к одному предложению: нынешняя педагогическая практика даёт детям все семь измерений одновременно и тем самым производит людей со структурно повреждённым первочувством. Педагогика, вводящая измерения в их естественной последовательности созревания, производила бы людей, чьё первочувство остаётся сохранным и кто способен быть по-настоящему присутствующим во всех семи измерениях.

Конкретная разработка такой педагогики выходит за рамки данной теоретической работы. Она требует самостоятельного практического исследования и заслуживает отдельного документа. Этот документ мог бы описывать, как выглядел бы день, неделя, год в системе обучения, уважающей поэтапное введение измерений. Как дети на стадии 1 были бы заняты преимущественно телом в пространстве. Как дети на стадии 2 учились бы ритму вместо календаря. Как дети на стадии 3 вводились бы в более абстрактные измерения без потери своего земного компаса. И как на стадии 4 могла бы поддерживаться полная интеграция.

Теоретическое ядро, однако, остаётся ясным. Свободные люди — люди с сохранным первочувством, по-настоящему присутствующие во всех семи измерениях — не возникают сами по себе. Они возникают тогда, когда их развитие защищено от слишком раннего навязывания измерений, которые они ещё не способны нести. Эта защита — работа педагогов, родителей и в конечном счёте общества, понимающего, почему такие люди незаменимы.

Вопрос не в том, возможны ли такие люди. Вопрос в том, готова ли наша цивилизация отказаться от структур, препятствующих их возникновению. Это вопрос, выходящий за рамки данной теоретической работы — к практике образовательной политики, к культуре воспитания и к политической работе, необходимой для того, чтобы иной вид человеческого развития стал возможным.

V.10 Постоянное присутствие и горизонтальное поле

Если эта теория развития и имеет практический шарнир, он находится в двух неразрывно связанных условиях: постоянном присутствии одного любящего родителя в первые годы жизни и доступе ребёнка к горизонтальному полю: соседских детей, животных и природы. Эти два условия — не дополнение к педагогическому методу. Они и есть педагогический метод.

То, что строится в ребёнке в первые годы — не знание, а самопознание. Младенец не знает сам по себе, что такое голод. Он ощущает нечто неудобное в своём теле, и когда его мать снова и снова отвечает на это неудобство едой и словами «ты голоден», его лимбический слой учит, что

такое этот телесный сигнал. Он узнаёт свою усталость, потому что его мать каждый раз отвечает на соответствующий плач покоем и сном. Он узнаёт свою боль, потому что она её признаёт и утешает. Он учится тому, кто он есть, в самом буквальном смысле — что делает его тело, каковы его чувства, что означают его переживания, — потому что один человек последовательно считывает его сигналы, переводит и возвращает их обратно.

Этот процесс выстраивания нельзя передать сменяющимся воспитателям. Если с пятью разными воспитательницами, чередование бабушек-дедушек, приходящих по очереди, опека, в которой каждую неделю ребёнок видит нового человека — все эти arrangements дают меняющиеся переводы одних и тех же телесных сигналов. То, что у одного воспитателя называется «ты устал», у другого получает ярлык «ты беспокоен». Ребёнок тем самым вынужден выстраивать языковое наслоение, предсказывающее меняющиеся реакции, вместо лимбического самопознания, вырастающего из последовательного узнавания. Кора-пустая, производимая этим процессом, — не просто недостаток. Это базовый ущерб, из которого вытекают многие другие психологические проблемы в дальнейшей жизни.

Постоянное присутствие не должно биологически принадлежать матери. Но на практике так обычно и есть, и не только по культурно-историческим причинам. Тело матери физически настроено на уход за ребёнком: грудное вскармливание, голос, запах, ритм её движений — все эти элементы образуют для ребёнка преемственность с внутриутробным миром, который он только что покинул. При рождении ребёнок приходит с N-позицией, ещё входящей в состав N-позиции матери, и лишь на протяжении лет совершается постепенное разделение двух чувственных систем — в резонансе и без разрыва. Отец, принимающий на себя материнскую роль, или другой главный воспитатель, может взять часть работы на себя — но преемственность физической настройки между одним конкретным человеком и ребёнком является во всех случаях не заменяемым условием.

Второе условие столь же фундаментально, как и первое, но совершенно иного рода. Постоянное присутствие одного родителя — вертикальное отношение между большим и меньшим, более сильным и более слабым, узнающим и узнаваемым. Если бы оно оставалось единственным отношением, известным ребёнку, в вертикальном измерении возникла бы несбалансированная интенсивность. Того, чего недостаёт, и что может дать только горизонтальное поле, — это опыт ребёнка среди равных. Другие дети, которым его не переводят постоянно, перед которыми ему нужно найти собственное место, которыми ни один взрослый не дирижирует.

В горизонтальном поле ребёнок учится тому, чему никакой родитель его научить не может. Он учится своей N-позиции среди существ, примерно занимающих ту же позицию. Он учится ритму коллектива, не запланированного ни одним из его участников. Он учится тому, что такое сопротивление — другой ребёнок, хотящий другого; животное, не делающее

того, чего ожидали; ветка, не выдерживающая того, на что рассчитывали. Эти сопротивления педагогически незаменимы. Они учат ребёнка тому, где он заканчивается и где начинается мир, — различию, которое в вертикальном отношении родитель-ребёнок не может возникнуть тем же образом, потому что родитель почти всегда достаточно приспособляется, чтобы смягчить сопротивление.

Роль животных в этом горизонтальном поле столь же важна и в современной педагогике почти не воспринимается всерьёз. Животное — собака, кошка, лошадь, овца, курица — это существо с собственным первочувством, но без кортикального наложения. Оно чувствует без языка. Реагирует без объяснений. Принимает или отвергает без стыда. В контакте с животными ребёнок узнаёт кое-что о своём собственном первочувстве, чего не может узнать от людей: что первочувство не языково, что оно существует независимо от языка, что это нечто, что он разделяет с другими формами сознания, не развившими кору. Для развития N-оси в её интерсубъективном измерении это фундаментально важно.

Природа, наконец, — не фон, на котором всё это разворачивается, а сама по себе активный педагогический фактор. Природа учит ребёнка ритму медленных процессов изменений — раскрытие листа, рост животного, смена времён года, чередование света и тьмы, — которому никакой учебник его не научит. В природе ребёнок переживает, что временноё измерение — прежде всего ритмическое, а не абстрактное календарное время. И в природе он находится в поле, в котором он не является центральной фигурой, — переживание, которое с самого начала помещает его N-позицию в резонанс с чем-то бóльшим, чем он сам.

Сочетание этих двух условий — постоянного вертикального присутствия одного родителя и ежедневного доступа к горизонтальному полю соседских детей, животных и природы — это то, что наш вид знал на протяжении десятков тысяч поколений как естественную педагогическую среду. Это не культурное изобретение определённого времени или места; это эволюционная базовая форма человеческого воспитания, существовавшая в охотничьих общинах, ранних аграрных обществах, деревнях земледельцев и практически во всех до-индустриальных человеческих устройствах.

То, что современность изменила в этом, — не улучшение, а разрыв. Промышленная революция перевернула трудовую структуру семьи, городское развитие демонтировало горизонтальное поле соседских детей, агро-индустрия убрала животных из повседневной жизни, а разделение жилой зоны и природы сделало ежедневный природный опыт для большинства детей невозможным. То, что мы считаем современным, — эксперимент, которому несколько поколений. Его результаты — массовые нарушения привязанности, эпидемии одиночества, депрессия и тревога как наиболее распространённые психические жалобы нашего времени — не побочные эффекты успешной системы. Они — симптомы провалившегося эксперимента.

V.11 Экономико-социальная проблема

Вышесказанное ведёт к выводу, от которого нельзя уклониться, не подрывая доверия ко всей теоретической работе. То, что здесь предлагается как педагогическая базовая форма — постоянное присутствие одного родителя и доступ к горизонтальному полю — в нынешнем общественном устройстве практически недостижимо для большинства населения. Не потому что люди этого не хотят, а потому что структурных условий нет.

Первый структурный барьер — экономический. Второй доход в семье в большинстве западных обществ давно не является роскошью, а является необходимостью для достижения обычного жизненного стандарта. Это не случайность — это результат полувека экономической эволюции, в ходе которой расходы на жильё, прожиточный минимум и социальные ожидания были раздуты до такой степени, что одного дохода больше не хватает. Родитель, желающий выбрать постоянное присутствие при маленьком ребёнке, должен идти на материальные жертвы, которые большинство семей не может или не решается нести.

Второй структурный барьер — географический. В современном городе и пригороде горизонтальное поле в значительной мере исчезло. Дети больше не играют на улице, потому что улицы стали слишком опасными для самостоятельных игр. Дворовая культура, в которой дети свободно перемещались между домами и садами, растворилась в устройстве, при котором каждая встреча для игры должна быть спланирована взрослыми. Природа для большинства городских детей больше не близко, а ежедневный природный опыт требует географического выбора, недоступного большинству.

Третий структурный барьер — социальный. Семья, решившаяся на радикально иной педагогический подход, делает это в социальной среде, не поддерживающей этот выбор и нередко активно ему противодействующей. Родственники считают, что ребёнок «должен пойти в ясли для социализации», соседи спрашивают, почему он в четыре года ещё не читает, законы об обязательном образовании вынуждают участвовать в системе образования, делающей ровно противоположное тому, что здесь предлагается. Отдельный родитель, желающий поступать иначе, остаётся один.

Педагогическая теория, разработанная в этой работе, не может отращивать эти структурные барьеры прочь. Что она может — это ясно показать, чего в действительности стоит производство свободных людей, чтобы выбор нести эти расходы делался на основе понимания, а не уклонялся по привычке. И она может ясно показать, какова цена не несения этих расходов: поколение детей со структурно повреждённым первочувством, общество, больше не способное решить свои главные проблемы, потому что оно больше не производит людей, которые ему нужны.

Практический вывод этой части состоит в том, что серьёзное педагогическое движение в этом направлении нуждается наряду с теоретической ясностью и в практических союзниках, помогающих создавать жизненные условия. Это возможно несколькими путями. Общинные формы, в которых несколько семей с едиными педагогическими убеждениями живут вместе в месте, где горизонтальное поле ещё существует — в деревне, в поместье, в городском квартале, заново организуемся как сообщество. Частные инициативы, финансирующие первые педагогические площадки, где этот подход может полноценно воплощаться — не только в учебные часы, но во всём повседневном существовании. Экономические устройства, при которых одного дохода достаточно для содержания семьи, — будь то посредством более низкого жизненного стандарта, или коллективных удобств, облегчающих индивидуальную нагрузку.

Ни одно из этих решений не просто, и ни одно не является широко доступным. Но без подобных практических устройств педагогическая теория остаётся привилегией людей, располагающих средствами жить вне существующей системы, — а это не только несправедливо, но и недостаточно для того, чтобы вид в целом двигался вперёд. Люди, способные помочь человечеству выбраться из нынешних тупиков, не должны происходить только из одного экономического класса. Они должны иметь возможность приходить из всех слоёв. Это требует, чтобы педагогические условия их возникновения были доступны также во всех слоях.

Это работа, выходящая за пределы данной теории — к политической и общественной работе, которую должны взять на себя другие. Но теория была бы неполной, если бы не называла эту работу явно. Постоянное присутствие одного родителя и горизонтальное поле соседских детей, животных и природы — не только педагогические принципы. Они — общественные условия, реализация которых требует пересмотра того, как мы как общество работаем, живём и существуем рядом друг с другом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Эта теоретическая работа — теоретическая основа, не замкнутая система. Она описывает топологическую модель человеческой чувственной жизни, внутренне последовательную, опирающуюся на существующие нейробиологические выводы и объясняющую ряд феноменов, которые существующие психологические модели объясняют недостаточно. Но теоретическая основа по определению неполна. Она предназначена запускать мысли, а не завершать их.

Открытые вопросы, которые порождает эта модель, таковы:

Как можно эмпирически измерить N-позицию?

Модель утверждает, что каждый человек занимает уникальную позицию вдоль N-оси и что эта позиция кодирует его специфическую чувственную архитектуру. Но как измерить то, что по определению является индивидуальным и непосредственно ненаблюдаемым? Существуют ли наблюдаемые поведенческие маркеры, указывающие на N-позицию? Возможно ли разработать инструмент — своеобразный психологический профиль — приближающий N-позицию извне? И если это удастся, каковы этические границы использования такого инструмента? Измерение N-позиции, вероятно, является первым эмпирическим шагом, переводящим модель в проверяемые гипотезы.

Как эта модель соотносится с существующими моделями?

«Колесо эмоций» Robert Plutchik упорядочивает восемь базовых эмоций в двух измерениях: валентность и интенсивность. Модель Big Five упорядочивает личность в пяти устойчивых чертах. Категориальный подход Ekman различает шесть универсальных базовых эмоций. Двумерная модель валентность / возбуждение упорядочивает все эмоции в плоскости позитивный-негативный и высокий-низкий. Семимерная модель чувств данной работы движется на другом уровне — она описывает топологические отношения между чувствами в трёхмерном пространстве с индивидуальным различием как структурным компонентом. Вопрос в том, как эти модели соотносятся: поддаются ли они значимой интеграции, и если да — на каком уровне? Эквивалентна ли W-ось данной модели измерению валентности двумерной модели, или описывает нечто принципиально иное? Обнаруживаются ли базовые эмоции Plutchik в точках на овале данной модели? Эти вопросы — не тривиальные упражнения по картированию, а содержательные теоретические вопросы, проясняющие пределы и силу каждой модели.

Как сделать визуализации динамическими, чтобы сделать зримым процесс обучения?

Нынешние визуализации модели — диаграмма чувств в трёхмерном пространстве ([gevoelsdiagram_v2.py](#)), сравнение небесной и земной перспективы ([gevoelsdiagram_kantelbaar.png](#)) и живописное изображение трёх слоёв мозга ([schilderij_drielagen.py](#)) — статичны. Они показывают структуру в один момент. Но модель описывает динамический процесс: чувства движутся, N-позиция смещается, дневной и ночной потоки — непрерывные движения. Динамическая визуализация — анимация или интерактивный инструмент — сделала бы теорию обучения, заложенную в модели, непосредственно доступной специалистам по образованию, терапевтам и исследователям. Что должна была бы показывать такая визуализация? Как движется чувство от лимбического слоя к коре в дневном потоке? Как опускается понимание в ночном потоке? Как смещается N-позиция на протяжении жизни? Это вопросы, выходящие за пределы нынешних техник визуализации, но принципиально не неотвечаемые.

Какие педагогические эксперименты могли бы проверить теорию?

Модель делает конкретные предсказания о том, как работает обучение: глубокая концентрация защищает первочувство, сон способствует передаче кортикального знания в лимбическую структуру, тишина как ежедневная практика усиливает прямое ощущение. Все эти предсказания принципиально эмпирически проверяемы в контролируемых педагогических условиях. Какой экспериментальный дизайн дал бы наиболее прямую проверку центральных тезисов? Какие измерительные инструменты могут уловить соответствующие результаты? И какие существующие педагогические традиции — Reggio Emilia, финская ранняя педагогика, опытное обучение, Waldorf — уже дают частичные проверки гипотез, даже если и не сформулированы как таковые? Поиск связи с существующими педагогическими исследованиями — многообещающий первый шаг.

Каковы этические следствия, если теория верна?

Если модель верна, наша цивилизация создала систему, систематически подавляющую человеческое первочувство. Это жёсткий тезис с тяжёлыми этическими следствиями. Кто несёт ответственность? Как адресовать ущерб? Каковы права детей в отношении защиты их наиболее фундаментальной когнитивной способности? Обязано ли общество пересмотреть свою образовательную систему на основе этих выводов — или институциональная стабильность весит больше? Как соотносится свобода индивидов организовывать свою чувственную жизнь с институциональным давлением её стандартизировать? Эти этические вопросы логически вытекают из эмпирических и теоретических тезисов модели, но имеют собственную сложность, не разрешаемую самой моделью.

Как наклоняемая G-ось соотносится с культурной психологией?

Модель утверждает, что ориентация G-оси — что сверху, любовь или ненависть — культурно обусловлена и индивидуально вариативна. Это утверждение прямо эмпирически проверяемо посредством кросс-культурной психологии: переживают ли люди в не-западных традициях, не знающих противопоставления небо-ад, G-ось иначе? Существуют ли культуры, в которых доминирует земная ориентация G-оси — любовь снизу как несущая почва? И если эта культурная вариация существует, влечёт ли она доказуемые последствия для того, как люди ранжируют, оценивают и переживают чувства? Это область исследований, связывающая культурную психологию и антропологию с топологическими утверждениями данной модели.

Какой физический носитель может нести коммуникацию между первочувствами?

Гипотеза, разработанная в Части IV, утверждает, что первочувства общаются между собой через физический носитель, работающий помимо обычных

чувственных каналов. Высокочастотное гравитационное излучение является одним из кандидатов, но не единственным. Другие кандидаты — слабые электромагнитные поля в ещё не исследованном режиме, квантово-когерентные эффекты в микроскопических нейронных структурах, или гибридные сопряжения, не описываемые современной физикой. Выбор между этими кандидатами — в конечном счёте эмпирический, а не спекулятивный. Какие эксперименты могут провести различие между этими гипотезами? Какая инструментация сделала бы возможным первый измеримый шаг? И какие учёные, в каких лабораториях, были бы готовы серьёзно исследовать это направление? Это, пожалуй, наиболее амбициозный из открытых вопросов, которые ставит эта работа — и вместе с тем наиболее далеко идущий, потому что положительный результат фундаментально пересмотрел бы отношения между мозгом, чувством и физикой.

Приглашение

Этот документ — не конечная точка. Это начало. Автор модели, Jacobus van Merksteijn, делает её доступной как теоретическую основу — фундамент, на котором другие могут строить, который другие могут оспаривать, проверять, развивать и исправлять. Топология внутренне последовательна. Следствия далеко идущи. Эмпирическая работа в значительной мере ещё не выполнена.

Наиболее ценный вклад, который читатель может внести в эту работу, — не согласие, а острая критика слабейших мест. Где утверждения недостаточно дифференцированы? Где модель предполагает больше, чем доказывает? Где визуализации вводят в заблуждение вместо того, чтобы прояснять? Где модель сталкивается с существующими эмпирическими данными психологии, нейробиологии или педагогики?

Первочувство как психологический фундамент, семимерная диаграмма чувств как топологическое описание, три слоя мозга как функциональная архитектура, REM-сон как нейронная техника обучения, три вида пустых форм как диагностическая система — вот центральные тезисы. Они заслуживают критической проверки, а не осторожного принятия.

Модель открыта. Она готова к тому, что придёт извне.

Библиографическая заметка: Этот документ составлен на основе теоретической разработки Jacobus van Merksteijn, созданной в мае 2026 года. Формулировки, концепции и структурные выборы принадлежат автору; письменная разработка была осуществлена в сотрудничестве с Perplexity Computer. Источники, которыми пользовался автор, включают коды Python-визуализаций `gevoelsdiagram.py`, `gevoelsdiagram_v2.py` и `schilderij_drielagen.py`, а

также обширные беседы и заметки, составленные в ходе разработки модели. Документ предназначен как психологическая теоретическая основа для дальнейшей теоретической и эмпирической работы, а не как биография или личный справочник. Составлен: май 2026.